

Колесо обозрения

Сборник рассказов
начинающих писателей
Ярославской области

*Ярославль
Юпитеринкс
2024*

УДК 821.161.1-32(082)
ББК 84(2=411.2)6-44я43
К60

Колесо обозрения : сборник рассказов начинающих
К60 писателей Ярославской области / ред. В. Ю. Перцев. —
Ярославль : Филигрань, 2024. — 124 с.
ISBN 978-5-60515-83-7-0

В сборник «Колесо обозрения» вошли новые рассказы начинающих авторов Ярославской области, написанные в 2023-24 годах.

*Книга издана на средства областной субсидии
и при поддержке министерства социальных
коммуникаций и научно-технологического развития
Ярославской области в рамках проекта
«Все флаги в гости будут к нам».*

УДК 821.161.1-3(082)
ББК 84(2=411.2)6-4я43

ISBN 978-5-60515-83-7-0

© Ярославское отделение
Союза российских писателей, 2024

Алексей Бутусов

Родился в 1988 году в Карабихе, детские и юношеские годы прожил на территории музея-усадьбы Н. А. Некрасова. Окончил Ярославский педагогический университет имени К. Д. Ушинского. С 2009 года работает в школе преподавателем русского языка и литературы, педагогом дополнительного образования. Член Союза российских писателей, автор книг для детей и подростков, лауреат международного конкурса «Детское время».

Ошибка британских учёных

Маша сидела дома на диване, листала ленту новостей в телефоне и думала о том, как стать умной. Завтра годовая контрольная по математике, если двойка — значит, летние занятия и никакого тебе лагеря «Берёзка». А то и на второй год в пятый класс посадят, дылду такую. Завтра будут задания на дроби, уравнения, обязательно что-нибудь начертить и решить три трудных задачи — ырр, аж рычать хочется. А у Маши математического соображения — как у рыбки. Бульк — и всё забыла. Было бы у человека в голове такое тайное отверстие типа USB: дал кому-нибудь умному флешку, он туда скопировал свои мозги. А ты вставил в свою головушку — и идёшь довольный на контрольную.

Маша вздохнула. По-настоящему вздохнула, глубоко, даже немного музыкально: «ыых!» И тут вдруг ей в ленте попался потрясающий пост.

«Знаете ли вы, что вещи человека, в частности, его одежда несут мощный энергетический заряд своего хозяина? Британские учёные сделали новое открытие! Если вы наденете, к примеру, любимый свитер вашего друга, то обязательно почувствуете энергетику этого человека. Более того: известны случаи, когда вместе с предметами одежды от человека к человеку передавались его качества, способности, увлечения и интересы».

Эврика! Комната Маши озарилась майским солнцем, с балкона пятого этажа внезапно потянуло душистой листвой тополя, а белая занавеска грациозно затанцевала от лёгкого ветра.

Подружка Кира – вот кто лучший в классе математик. Ничего не учит, думает только о том, как влюбить в себя Кирилла из 6 «Б», и при этом знает абсолютно всю математику! Даже во сне любую задачку решит. А у Киры – любимый белый свитер, в котором она почти год ходит в школу.

Маша летела по городу и что-то напевала. Чуть не наступила на голубя, гуляющего по тротуару, столкнулась с толстым бритым парнем, который ел гамбургер. А может, выдумка это? Не, в словосочетании «британские учёные» есть что-то такое, что невольно заставляет верить.

– О, Маш, как раз хотела тебе написать, – проговорила Кира ещё в домофон. И продолжила в дверях – в её руках было большое ананасовое мороженое:

– Ты мне очень нужна. Очень-очень. Сегодня Егор Шип на Советской площади в шесть выступает. Пойдёшь?

– Да ну. Это ж дорого, наверно, – Маша почувствовала, что Кира прыснула на себя как минимум из трёх разных маминых флаконов духов.

– Да бесплатно же! – Кира оживилась. – Ты что, не слышала? Там молодёжный фестиваль идёт. В общем, я решила пригласить Кирилла. Только... Только давай ты ему напишешь, а? Мне самой как-то не очень.

– С чего это я ему должна писать?

– Ну, ты же подруга мне. И вечером пойдёшь тоже с нами, – Кира не переставала кусать мороженое.

– Зачем? Меня не пустят, да и к матеше готовиться надо.

– А мы никому не скажем, что на площадь пошли. Типа во дворе гуляем. Ну пожалуйста, Маш! Я одна с ним не смогу. У меня язык немеет, когда вижу его близко. Он такой прямо вау, весь такой уууу, что я прямо иииии.

– Ну ладно, пусть ииии, только при одном условии, – Маша поняла, что надо решительно действовать. – Ты мне дашь на вечер погонять свой свитер. Белый. Идёт?

– Это ещё зачем? – тёмные брови Киры чуть поднялись.

– А это уж моё дело. Надо значит.

– Ну окей. Только ты прямо сейчас напиши ему, при мне.

– А ты свитер тащи.

Страницу этого Кирилла Маша нашла быстро, набрала сообщение. «Кирилл, привет! Пойдём сегодня

на Егора Шипа? Бесплатно. Маша, Кира». Вот и всё! А Кира трясётся и бледнеет всякий раз, когда на его страницу заходит, а уж если его случайно в коридоре встретит – так в обморок грохается. Глупо это – быть влюблённым. Одна мука и тоска и тому и другому. Вот в Машу Витя Бубликов ещё с детсада влюблён, преследует её вечно – так это просто наказание. В прошлом году букет белых роз подарил на Восьмое марта, прямо в школьном коридоре всунул. При всех! Пришлось брать и спасибо говорить. Потом сообщения писал, поздравлял со всякими праздниками странными. «День докторской колбасы», «Международный День одуванчика», «День газовой плиты». Небось, сам выдумал эти праздники, лишь бы написать. Нет, Маша никогда и ни в кого влюбляться не будет. Глупости это.

Ну да ладно. Егор Шип – значит Егор Шип. Только бы свитер сработал, а то хочется в «Берёзку», ой, как хочется.

Белый, пушистый и мягкий свитер Киры Маша надела сразу, как только вышла на улицу. Как-то широковато и при этом коротко, не очень удобно. Будто не в своей тарелке, что ли. Это Машу обрадовало: может, она уже не Маша, а немножко Кира?

Дома решила проверить: сразу открыла учебник по математике, первую попавшуюся задачу. Нет, не поумнела. Как была Машей, так и осталась! Но ведь ещё не вечер. Надо подольше поносить свитер, чтобы насквозь пропитаться Кирой. Чтобы энергетика её

математических мозгов, так сказать, перетекла через ворсинки свитера в голову Маши. И тогда будет всё пучком: британские учёные не умеют ошибаться.

Девочка посмотрела на часы: всё нормально. Мама ещё час на работе, папа спит до сих пор после ночной смены. Главное — на чудо-свитере сосредоточиться. Всё время думать о нём и верить, что поможет.

..Кирилл стоял там, где и договорились. Высокий, широкоплечий. Около бронзового медведя, который с яблоком в руке.

Кира его, наверное, километра за полтора увидела. Откусила разом половину мороженого, которое только что купила, и пугливо схватила за Машин, то есть за свой свитер. Прямо вцепилась.

— Ма-ма, — процедила Кира. — Он.

— Ну и?

— Только давай ты будешь говорить с ним, хорошо? — затряслась Кира, давясь мороженым. — А то мне страшно.

— Ну и трусыня ты!

Кирилл был в серо-зелёном худи с капюшоном. Кажется, где-то такой Маша уже видела. Жарко, а он вырядился! Маша, впрочем, тоже в свитере, но это же для дела. Из-под капюшона Кирилла выглядывала остренькая чёлка. Смешная такая, точно на картинке аниме, потрогать хочется. И сам он стал каким-то капельку другим сегодня, не похожим на себя.

— Привет, девчонки, — улыбнулся он, зачем-то снимая капюшон. Ух ты, какой волосатый!

– Кирилл, привет, – Маша посмотрела на бледную Киру-истукана, и ей стало весело.

– Вообще-то мне этот ваш Шип не особо, – признался Кирилл, чуть подмигивая. – Но раз вы позвали, то...

– То будешь сегодня весь вечер его любить, – Машу понесло, она сама себя не узнавала. – Бежим скорее, вон уже там сколько народу! Надо первые места занять, чтобы автограф получить и сэлфи с Шипом сделать.

Народу на площади действительно было – негде яблоку упасть. Пахло сахарной ватой, прогретым асфальтом, воздушными шариками, разными смешанными духами. Просто ароматия какая-то! В центре площади возвышалась сцена с навесом, вся завешенная пёстрыми баннерами «Молодёжный фестиваль «КрутыШип». В левом углу сцены волосатый парень в рыжей безрукавой футболке крутил провода у огромных чёрных колонок.

Сразу за рамками-металлоискателями начиналась сплошная стена футбольных спин, голо-загорелых плеч и сине-джинсовых поп.

– Вавилонское столпотворение, – усмехнулся Кирилл, слегка встряхнул чёлкой и часто-часто заморгал. Смешной такой.

– Ага, – Маша улыбнулась. Ей стало жарко, наверное, от этого белого свитера. Но ничего, надо терпеть: может, именно сейчас математические знания сквозь

ворсинки перегружаются внутрь Маши? Пятьдесят шесть процентов, пятьдесят семь... Она так и предстала этот процесс. Тут Кирилл полез вперёд сквозь толпу, и Маша тут же юркнула за ним.

А Кира так и плелась сзади, бледная, как понурое привидение. И при этом глаз с Кирилла не сводила. Интересно, если бы тут был Витька Бубликов, тот самый, что в Машу семь лет уже влюблён, он так же вёл себя?

Оказалось, что у самой сцены уже стоят Танька Винокурова в своём синем шарфике с надписью «Локомотив» и Олеся Никифорова с мамой и тётёй. Они сразу выцепили Киру и стали что-то ей говорить. А та как будто приклеилась глазами к Кириллу: подружкам кивает, а сама смотрит на свой предмет обожания.

И тут Егор Шип как выскочит на сцену! Толпа сразу заверещала, и Маша тоже, и Кирилл. Это какой-то эффект толпы: вроде ничего особенного, ну выбежал Шип и что. Но когда рядом тысяч десять человек и все верещат от радости, ты невольно верещишь с ними. Само верещится. А громче всех кричит Танька Винокурова — она же фанатка Шипа.

А потом музыка задрезжала, загремела, да так громко, что у Маши в ногах и в груди стало вибрировать. Точно маленькие моторчики заработали. С каждым «Бум» в колонках в теле раздавалось упругое «дрррр». Вроде и приятно, а вроде и не очень. И сам по себе он так себе, коврятся, скачет — весь

вспотел аж. Когда с экрана на него смотришь, он круче выглядит. А на самом деле – несколько не красивый. Вон Кирилл – намного симпатичнее его. И лицом, и причёской... Да всем! Не то что Бубликов. Маша невольно посмотрела на Кирилла и поймала на себе его взгляд. Тут песня закончилась, все прямо по-поросычьи завизжали, и Маша тоже. Хотя совсем не хотела визжать. Прямо гипноз толпы какой-то!

– Спой «Диор!» – прокричала Танька и ринулась через толпу прямо к сцене – так, что даже её шарфик с «Локомотивом» упал.

– Кир, поддержи пока, – Таня накинула подруге шарф на шею и исчезла.

И тут новая песня застучала такими громкими раздирающими ритмами, что Маша схватилась за уши. Кира уже не стояла истуканом, а приплясывала в такт и что-то кричала – точь-в-точь как только что Таня.

– Может, отойдём от колонок? – прокричал Маше в ухо Кирилл и, не дожидаясь ответа, куда-то девочку потащил через толпу протянутых рук со смартфонами.

Выбрались из толпы, выдохнули.

– А Кира где? – Маша огляделась по сторонам.

– Не знаю, – отозвался Кирилл. – Оглухнет – сама выйдет к нам. Пойдём на лавочку в тенёк?

И снова Маша пошла за ним, точно на поводке. Сели. Хорошо в теньке. Тут и Шипа этого слышно, и солнце не жарит, и посидеть можно.

– Я сейчас, – выдал Кирилл, затем ровно на минуту исчез и вернулся с двумя большими ананасо-

выми морожеными, дорогущими, за двести пятьдесят штука. — Держи!

— Вау, — Маша даже «спасибо» от удивления забыла сказать. Кирилл улыбался, вдалеке Шип пел про «Я делаю вдох, так пахнет Диор», а мороженое было божественным. Маша внезапно почувствовала, что мороженое любит больше всего на свете и готова есть всю жизнь.

— Пойдём ещё куда-нибудь? На Даманский остров, например. Прокатимся на «Бешеном поезде»?

— Обожаю его, — призналась Маша. — А Кира, представь, боится до жути. Ей сразу плохо становится. Ой! А денег-то нет у меня.

— У меня есть, — уверил Кирилл. — Копил на мопед, а теперь мне почему-то уже не так хочется мопеда. Сам не знаю почему. Что-то сам себя сегодня не узнаю.

«Бешеный поезд» вправду был сегодня очень бешеным. Сперва, как в горку поехал, вроде ничего, нормально. А потом, когда горки, да на боку, да чуть ли не вниз головой — так Маша прямо почувствовала, как её душа уходит в пятки. В прямом смысле ощутила на самом крутом спуске: вот только что душа была в голове, а теперь в ступнях. И голова кругом идёт, будто что-то внутри неё движется. Сколько раз Маша каталась — никогда такого не было! Наконец, поезд остановился.

«Всё, хорошего понемногу», — констатировал загорелый дяденька в оранжевом жилете.

– Ну, тогда пойдём ещё на «Маятник», покачаемся, – предложил Кирилл.

– Угу, – гукнула Маша. А всё равно было круто. И почему же она раньше не замечала, какой хороший этот Кирилл?

Но после «Маятника» ей стало дурно. Эта штука-ковина вдруг принялась их раскачивать из стороны в сторону, и у Маши мигом потемнело в глазах, всё поплыло какими-то фиолетовыми квадратами, дробящимися на мелкие кусочки. Даже когда аттракцион остановился, Маша не смогла встать на ноги: её тут же валило неведомой силой. Кирилл её удержал.

– Маш, ты что, – мальчик испугался не на шутку. – С тобой всё хорошо?

Он обнял её, прижал к себе и осторожно вывел из кабинки, спустил на асфальт, помог сделать шаг, другой, третий.

– Может, воды выпьешь? – тут же у него откуда-то оказалась бутылочка, он её раскрыл и почти вставил бесчувственной Маше в рот.

Потом Кирилл заботливо усадил девочку на тёплый газон – до лавочки было далеко.

И тут вдруг всё прошло. И легко, и хорошо стало, только голова всё равно чуть-чуть продолжала кружиться. Кирилл убрал руку, а так хотелось, чтобы он вёл её и дальше, обнимая.

– Тебе не жарко в этом свитере? – спросил он её.

– Жарко, – призналась Маша.

– Такними.

И правда. Это надо же — поверила в такую чепуху, будто свитер может что-то там передать от одного человека другому. Ничего этот свитер не передал, ошиблись британские учёные. Маша стянула свитер — ой, а под ним какая-то дурацкая домашняя майка. Вот позор!

— Вот. Так гораздо лучше! — сказал Кирилл. И добавил:

— Хорошая ты, Маша. Почему же я раньше с тобой не подружился?

— Да нет... не знаю, — Маша посмотрела на Кирилла, отвела глаза. И тут у неё зазвонил телефон. Мама что-то говорила очень взволнованно.

— Я сейчас приду, мама, — затараторила девочка (и правда, уже девятый час!). — Гуляю недалеко, во дворе. Что? Да помню про контрольную, сейчас бегу.

Маша выдохнула, убрала телефон в карман джинсов.

— Пойдём, Маш, — мягко сказал Кирилл. — Мне ведь тоже надо готовиться на завтра. К русскому. Идём, на троллейбусе проедем одну остановку.

Вечерело. Откуда-то с реки потянуло мокрой прохладой, солнце скрылось за липами.

— Представь, Машка, я, наверное, на второй год останусь, — сообщил Кирилл. — Завтра русский завалю — буду на следующий год с тобой в одном классе учиться.

— Не получится! Потому что я завалю математику и тоже останусь на второй год.

— Математика — это что. Вот русский... — Кирилл вдруг засмеялся и стал совсем красивым, Маша

чуть с ума не сошла. — Хочешь, расскажу одну глупую вещь?

— Ну.

— Я сегодня днём в Интернете прочитал такую штуку, что через одежду от человека к человеку могут передаваться его интересы, способности, склонности и всё такое. Я не поверил, конечно, но — была не была — попросил у Витьки Бубликова, нашего отличника, вот это — Кирилл показал на свой зелёный худи. — Весь вечер ношу — ничего не передалось! Ну совершенно ничего. Ошиблись британские учёные. Ну их!

— И правда! — согласилась Маша.

И они запрыгнули в синий троллейбус, где уже зажглись вечерние лампы.

Таксения

Она появилась в середине февраля, когда густой снег валил и валил лохматыми хлопьями. Сперва Димка вовсе не обращал на неё внимания: просто знал, что живёт в соседнем подъезде, что ходит выгуливать свою таксу два раза в день: утром, ещё в сумерках, и поздно вечером. Таксения — так окрестил её курносый Миха из седьмой квартиры. То ли из-за этой таксы — сардельки с хвостиком, на тоненьких ножках. То ли потому, что старший брат у неё «таксовал» — возил народ на такси, а заодно сестру иногда катал. По-настоящему её звали Ксенией.

А когда ворвалась весна, стало припекать, и во дворе разлилась широкая солнечная лужа, Таксения ни с того ни с сего начала раздражать Димку. Тем, что гуляет каждый день под его окнами, улыбается непонятно чему и — такая лёгкая, удивительно-воздушная, как одуванчик. Идёт, словно летит по воздуху. Непонятная досада брала Димку. А ещё и в школу эта девчонка не ходит: на домашнем обучении.

«Странные люди, — рассуждала как-то вечером о них бабушка, развешивая на балконе бельё. — Не хотят ребёнка учить по-нормальному. Как будто не с нашей планеты».

Таксения и правда была словно инопланетная. Смотрела так, точно хотела его, Димку, засосать в свою параллельную вселенную. И сразу что-то ух! — ухало в груди, словно на «Бешеном поезде» с высокой горки несёшься. Если мальчик встречался с Таксенией случайно во дворе, то переходил на другую сторону дороги, гордо уводя глаза. Проходил мимо. А потом непонятно грустно делалось Димке. Пусто. И досадно почему-то.

Однажды в марте он с ней таки познакомился. Шёл через парк в магазин за хлебом. Вечерело, в стёклах домов отражалось низкое солнце. Ледяная корочка наста сверкала розовыми, гладкими переливами.

...Таксения аккуратно откапывала ветки молодых ёлочек из-под снега. Маленькой лопаткой.

— Ты что делаешь? — остановился Димка. Он сам не ожидал, что спросит её. Само сказалось.

– Ёлочка спасаю, – серьёзно сообщила девочка, и оттого, что она с ним заговорила, вдруг легко сделалось Димке, солнечно. – Их тяжёлым снегом примяло к земле, а я освобождаю. Чтобы им не было больно.

– А-а, – неопределённо потянул Димка. И дальше себе зашагал. А что ему ещё оставалось делать?

На другой день он снова пошёл в магазин этим же парком. Ничего не ожидая, просто хлеб закончился. Таксении уже не было. И опять странная досада его взяла, словно что-то очень-очень важное должно было произойти и не произошло. Рассердился Димка, подошёл к двум маленьким ёлочкам, освобождённым от снега, одну пополам сломал. Тоненький ствол едва слышно хрустнул, колючая верхушка безжизненно склонилась набок. Вроде чуть легче Димке стало.

А потом случилась эта история с игрушками. Кто-то выбросил однажды большого розового медведя. Плюшевого. Ну как выбросил? Посадил около ящика мусорного, косолапый и остался сидеть. Этокое недоразумение лохматое: громадное, никому не нужное, если разобраться – и на медведя не похожее ничуть. Удивился Димка очень, когда вдруг встретил Таксению, которая куда-то несла эту плюшевую махину, с неё ростом.

– Помочь? – участливо спросил он.

– Если можно, – девочка вся покраснела, волосы, чуть завивающиеся, взмокли от пота, прилипли ко лбу.

– Куда его? – небрежно брякнул Димка, принимая это плюшево-синтетическое существо, пахнущее сыростью и болотом.

– Туда, – сообщила девочка, махнув рукой в сторону гаражей. – Я покажу.

Медведь был тяжёлый и мокрый: сегодня утром был первый апрельский дождь. Неудобно было его нести. Да и зачем?

– Как зачем? Его же выбросили. На помойку выкинули! А я спасу его. Я всех спасаю, – горячо произнесла девочка.

– Полкомнаты, наверно, занимал, – отозвался Димка. – Потому и выкинули.

– И что? Не надо было покупать тогда. А купил – отвечай за него. Он не виноват, что таким огромным уродился. И тоже хочет любви и заботы. Разве можно такого на мусорку?

Таксения повела Димку узким проходом между гаражами. Чуть не застрял он там с этим медведем! Да ещё и ботинки хлюпали по луже (кажется, в самую грязь вступил).

– Всё, приехали, ставь, – где-то сквозь мех и сырость раздался голос девчонки.

Димка плюхнулся медведя на лист ржавого железа и, наконец, огляделся. Они находились в небольшом уютном закутке, окружённом железными стенами гаражей. Надо же! Почти одиннадцать лет прожил мальчик в этом дворе, а не знал об этом местечке. Отовсюду на Димку смотрели старые игрушки: серый

растрёпанный слоник с порванным хоботом, рыжая собака с длинными ушами и глупыми пластмассовыми глазами, выцветший, когда-то синий заяц с морковиной в руках.

– Это что, все спасённые? – спросил Димка.

– Да. Домой мне их не разрешают, – отозвалась девочка. – Поэтому они тут живут. И обедают, и спят.

– Гмм. – Димка хотел что-то другое сказать, а вышло «гмм». Глупо как-то.

– Вот это Олентий, – девочка бережно взяла старого, потрёпанного слоника на руки. – Он путешественник. Его я ещё из Архангельска привезла, тайно от папы. Потрогай, хороший, правда?

– Угу, – смущённо гукнул Димка. Но до Олентия дотронулся. Старенький, тёплый.

Димке было неловко оттого, что он общается с девочкой, и при этом какой-то новый, огромный мир – больше города, больше ночного звёздного неба раскрывался ему. И от этого в груди делалось тесно и хотелось дышать часто и глубоко. И голова кружилась, точно он всё ещё ехал на «Бешеном поезде», бесконечно поднимаясь и опускаясь.

– А ты почему в школу не ходишь? – внезапно выдал он.

– Папа решил, – Таксения говорила с Димкой так, точно между ними была какая-то тайна. – Он военный, поэтому мы всё время переезжаем. И чтобы мне не привыкать к новым учителям и классам, я учусь дома.

Девочка поставила слоника и взяла на руки блёкло-синего зайца, того, что с морковиной. Посмотрела в его грустные глаза. И вздохнула так, что Димка невольно залюбовался девочкой. Потом спохватился, отвёл глаза.

А на другой день она сидела уже с подружкой, с некрасивой Танькой из 3 «Б». Они играли в шашки на скамейке, прислонившись к гаражу. Димка шёл мимо с Тёмычем, который рассказывал ему, как победить зомби в новой игре на телефоне. «Вот это да! Ого! Ничёси», – выразительно восклицал Димка, но Таксения головы не повернула. Совсем. Как будто его на свете не существовало!

Такая пустота внезапно навалилась на Димку, хоть волком вой. А этот – знай себе трандычит про монстров дурацких из игры. А может, ещё раз пройти мимо них?

– Идём на площадку? – вдруг предложил Тёмыч. – Там небось все уже, и Серый тоже.

– Идём, – вздохнул Димка. Не говорить же, что ему хочется мимо гаражей пройти?

Спортплощадка-то была совсем в другой стороне.

Ночью Димке не спалось. Теперь уже не досада – злость какая-то в нём кипела. Точнее, и не злость: что-то другое, странное, новое, сильное и жгучее, но Димка старательно делал вид, что сердится. «Чокнутая какая-то. Грязных игрушек с помоек таскает!

А в них зараза всякая, — рассуждал он, ворочаясь. — И вообще: приехала тут непонятно откуда, мельтешит под окнами. Что ей надо в нашем дворе?»

С того дня, как нарочно, стала она ещё чаще ему на глаза попадаться, со своей таксой. Дни стояли серые, пасмурные. А она — в ярко-рыжем пальто, точно солнце. Такая стройная, тоненькая, правда неземная, особенно на фоне этой веснушчатой толстушки Таньки из 3 «Б». Так бы и толкнул в лужу. Или хотя бы грязью в неё кинул, нечего быть такой красивой. Но нельзя ведь. Ещё подумает что-то не то.

Вот тогда и пришла эта затея в голову Димки. Знал бы он, чем всё кончится!

— Ты прикинь, эта, ну которая с таксой, игрушки с помоек собирает, — сказал как-то Димка Серому. — Такает всех к гаражам. А в них заразы, небось, немерено.

— Психанутая она, — пояснил Серый. Он никогда не задумывался над словами: что брякнулось, то и брякнулось.

— А если туда дети заберутся маленькие и начнут трогать эти игрушки? — не унимался Димка. — Заразятся, заболеют. Слушай, а пойдём, отнесём их на дальнюю мусорку? Это всё же наш двор, зачем его захламлять?

Серый, наверное, больше из любопытства согласился. А тут и Миха подвернулся, злой, не в настроении. Его сегодня крепко отругали: на комиссию для трудных детей вызывали, на разговор с завучем.

Между гаражами на этот раз не было никого. Игрушки — старые, потрёпанные, но наполненные любовью своей солнечной хозяйки, сидели на ковриках, постеленных на куски фанеры и железа. Рядом с ними стояла кукольная посуда: чайничек, блюдца с цветочками.

— Детский сад, — плюнул Серый и со всей силы швырнул чайничек так, что он перелетел через крышу сарая.

— Она типа тут выброшенные игрушки спасает, — Димка пытался подражать небрежной интонации Серого. — Вот и таскает с помоек.

— Бомжиха, — брезгливо поморщился Миха. Он взял выцветшего зайца, дёрнул его за ухо — ухо осталось в его руке. Димка заглянул в грустные заячьи глаза — и вдруг стало как-то не по себе.

Миха зло засмеялся, швырнул зайца в коричневую лужу.

— А это что за урод? — Серый тем временем схватил слоника и дёрнул со всей силы за голову. Швы затрещали, но голову оторвать не получилось.

— Дай я, — потребовал Миха. Он зажал бедного Олентия-путешественника между ног и стал усиленно пытаться отодрать сперва голову, потом уши и лапы. Когда понял, что никак, швырнул слоника на землю и принялся по нему топтаться. Со всей силы, с остервенением, точно вымещал на игрушках всю накопившуюся злость.

А Серый уже топтал рыжую собаку — ту самую, с глупыми глазами. Миха было принялся за медведя,

да только рукой махнул: огромный слишком. Повалил набок, пнул ногой.

Что-то нехорошо заскобило внутри Димки. Засверлило, задрожало. Вдруг стало жутко жалко всех этих плюшевых созданий, точно они и правда были живыми. Больными, старыми, но живыми и добрыми. И вдруг пришли какие-то – и избили, убили их.

– Пойдёмте отсюда, – словно сквозь сон услышал Димка голос Михи.

Они отправились на футбольное поле, но игра не задалась. А вскоре и вовсе закапал дождик – так и разошлись по домам.

Поздно вечером, уже почти в темноте, Димка один пробрался к гаражам. С мешком: стащил на кухне. Почему-то хотелось как можно скорее засунуть всех этих изуродованных игрушек в чёрный пакет и закинуть подальше в мусорный ящик – лишь бы не видеть, как они тут все валяются – грязные, рваные, истерзанные.

«Это всё из-за неё», – Димка пытался снова напустить на себя злость. Но что-то ему подсказывало, что игрушки-то не виноваты, что у них такая хозяйка. И – какая такая? Такая... Хорошая, такая добрая, такая красивая?

Ночью снова не спалось. Димка встал, кряхтя, пришлёпал в комнату отца. Папа работал над чертежом: у него что-то не получилось.

– Па, представь, эта девчонка... Ну та, которая в школу не ходит, грязных игрушек со свалки пона-

тащила к гаражам, — небрежно пробурчал мальчик. — Так мы сегодня с парнями их всех выкинули.

— Да-да, — папа спустил очки на нос, подвинул линейку, отвёл ножку циркуля. Что-то отмерил. — Да. Хорошо. Ладно.

Папа закурил, бросился к калькулятору, стал пересчитывать. Что хорошего-то?

Наутро Димка об этом же рассказывал бабушке.

— Делать ей нечего, учиться не учится как следует, вот и мается чепухой, — ответила бабушка.

— Мы их всех отнесли обратно в мусорку! — словно в отчаянии проговорил Димка.

— Руки-то хоть потом помыли? — поинтересовалась бабушка.

— Помыли, — Димке совсем уныло стало. Не то он хотел услышать от бабушки. Совсем не то!

А после обеда он увидел её. Плачущую. Девочка сидела на лавке у гаражей и рыдала взахлёб. Давилась слезами, и никого рядом не было. Димке нестерпимо захотелось подойти к ней, погладить её по голове, признаться во всём. Но он не решился. Прошёл мимо, отведя глаза. Как всегда.

Ночью она ему снилась: то плачущая, то улыбающаяся, и всегда одинаково красивая — настолько красивая, что становилось жарко. «Признаюсь ей завтра во всём», — решил Димка. Но на другой день он так и не признался: сперва была школа, потом соревнования по волейболу — вечно они в апреле после уро-

ков проходят — а вечером они всей семьёй в гости пошли, к Кулигиным. Так и не увиделся с Таксенией. И на третий день не увиделся: непрерывно шёл дождь, и к тому же маме позвонила Ольга Павловна и сказала про двойку по математике. Пришлось Димке весь вечер просидеть за примерами. Просидел и всё равно ничего не понял. Всё выглядывал в окно — но нет, не появлялась она. И занудливая, противная бормашина всё сверлила и сверлила Димку изнутри тупой, ноющей и надоедливой болью.

Как-то раз выдался удивительный день. Впервые, недели, наверное, за три — солнце! И небо было яркое, настолько голубое, что глазам было больно. И вдруг такая теплынь обрушилась, что Димка сразу после школы, не раздумывая, вытащил из сарая велосипед и покатил на крутояр, за семь километров. Удивительное это было место: высокий крутой берег — а внизу две реки сливаются: Ора и Орожа.

Димка как приехал туда, так у него дух захватило. До самого горизонта была вода. В воде стояли деревья и кусты, точно корабли-парусники. Зброшенный храм вдалеке тоже точно вырос из воды. И над всем этим бескрайним океаном с истошным криком проносились чайки. И так пахло оттаявшей землёй, свежей водой, горьковатым ветром, что Димка чуть с ума не сошёл. Что-то с ним происходило. Сквозь старого Димку прорастал новый. Мальчик слез с велосипеда, глубоко дыша, зашагал в гору, как вдруг увидел там,

на скамеечке, человека. Девочку. Так и ухнуло всё внутри Димки: как тогда, только в несколько раз сильнее.

Таксения улыбалась. Ему улыбалась! Ему, который разорил самое дорогое, что у неё было!

– Привет, – легко сказала она. И протянула ему руку. Мягкую, тёплую, чуточку инопланетную.

– Привет, – Димка положил велосипед на сухую прошлогоднюю траву. К её велосипеду, маленькому, красному.

– Красиво, правда? – спросила девочка.

– Ага, – Димка вдруг покраснел, но собрался с мыслями. – Ты знаешь, – начал он. – Я тебе хотел сказать, что...

Он осёкся, замолчал.

– Что? – девочка улыбалась, но уже не только улыбкой, а глазами, бровями, ресницами.

– Правда, похоже на море?

– Очень! А ты был на море?

– Нет ещё. А ты?

– И я нет...

Чайки истошно голосили над их головами, точно пронзая своими криками пространство. Так и не признался Димка, не хватило духу. Хотя три раза раскрывал рот, чтобы сказать... И закрывал. А потом вдруг, возвращаясь домой, понял, как он поступит. Как огнём обожгло от этой мысли: да, да, только так! Сделает он это тихо, так, что никто не узнает.

С замиранием сердца мальчик открыл нижний ящик стола, вытащил из-под кипы прошлогодних

тетрадей маленькую коробочку из-под чая. Открыл. Пересчитал деньги. Совсем немного не хватает на смартфон, который он хотел, на который копил почти год. Ну а что смартфон?

В «Мир детства» Димка поехал после семи, чтобы и народу было поменьше, и обратно в темноте возвращаться. Маме сказал, что пошёл к Тёмычу новое аниме смотреть. Всё складывалось удачно: синий рогатый троллейбус до Центра ехал почти сорок минут, но до закрытия магазина ещё время было.

Олентия — почти такого же, только нового, Димка почти сразу заметил. Хотя нет, другого, но... красивого, улыбающегося, доброго, такого же, как сама Таксения. Ниже на полке сидели лисята: целая семейка. Рыженькие все, некоторые с пятнышками на спине, один в панаме синей, один с галстуком, один в цирковом жабо. Какой из них самый лучший? Может, вот этот, самый маленький с бантиком? Нет! Он, Димка, всех их купит. Ей одной, самой лучшей, самой чудесной на планете.

А вот фиолетовый бегемот. «Бегемот Федя» — на этикетке написано. Димка представил, как широко Таксения улыбается, увидев, что он — Федя. И Федю берём! И белку жёлтую с орехами в лапках, и вон того щенка-далматинца, что ухо поднял. Только бы довести их всех?!

Обратный троллейбус был почти пустой. Никого! Сонный волосатый парень какой-то на заднем сиденье, пухлая девушка в наушниках. И никому дела нет,

что десятилетний мальчик тащит огромный прозрачный полиэтиленовый пакет, доверху наполненный мягкими игрушками. Кстати, и продавщица не спросила, зачем ему столько игрушек. Она вообще параллельно по телефону разговаривала, пиликая каждую игрушку на своём кассовом аппарате.

Димке решительно везло. Он пробрался между гаражей, устало опустил пакет на сухую фанеру, принялся аккуратнo доставать каждую игрушку и сажать её на своё место. Сердце колотилось: а вдруг сейчас раз — и она зайдёт? Решит перед сном прогуляться? Или кто-нибудь из соседей его видел, выследил.

Нет. Это должно остаться в тайне: никто, ни одна живая душа не узнает о том, что это он сюда притащил новые игрушки. Для неё одной, самой лучшей, самой родной, самой-самой.

Как на иголках весь следующий день сидел Димка в школе. Уже увидела или ещё нет? Если увидела, то что подумала? А вдруг догадалась? А если при встрече так прямо в лоб и спросит? Посмотрит на него своими инопланетными глазами и всё поймёт, и не только про игрушки... Димку как кипятком ошпарило. Еле дождался он конца уроков, а когда подходил к дому, вдруг ускорил шаг, почти пробежал к своему подъезду — только бы не встретиться. Прошмыгнул в квартиру, в комнату и ... сел у окна. Раскрыл для вида учебник, даже дневник открыл, тетрадь, написал «домашняя работа» и ещё пару строчек из упражнения — на случай, если зайдёт мама. А сам — в окно.

Но Таксения не появлялась. Даже вечером. В восемь Димка не выдержал. Взял мусорный пакет (хорошо, мама не успела вынести!) накинул курточку, фонарик взял – и к гаражам.

Игрушки остались нетронутыми. Они сидели в тех же местах, в тех же позах – никто их не брал в руки. Димка вздохнул, понуро зашагал домой и уже на лестнице понял, что возвращается домой с мусорным пакетом.

И на другой день ничего не изменилось. Может, она сюда не ходит больше – чтобы не вспоминать о печальном? Да где вообще она? Увидеться бы. Димка уже и на крутояр сгонял – разлив тот же, только полянка позеленела, да деревья в воде лёгкой зелёной дымкой подернулись. А её нет.

На третий день Димка не выдержал. Гоняли они с Серым мяч, запыхались: жарко, не апрель – июль. Присели на скамеечку.

– Что-то не видать этой... ну у которой мы игрушки выкинули, – небрежно брякнул Димка, ковыряя носком ботинка песок.

– Дак они же уехали, – Серый достал из кармана леденцы, сунул один в рот.

– Куда? – испуганно вырвалось у Димки.

– Я знаю что ли? Переехали, у неё ж батя военный. Типа перевели его в другую часть, говорят. Леденец будешь?

Димку как будто чем-то тяжёлым тюкнули. Как – уехали? Ходила себе каждый день с такой

под окнами, на велосипеде ездила, берёзки от снега спасала, игрушек и... раз – и нет больше? А может, врёт Серый?

Чепуха, не может она так вот взять – и уехать!

– Баб, – решил Димка вечером за ужином, ковыряя вилкой макароны. – А эта девочка... Ну которая игрушек выброшенных брала себе, помнишь, я говорил? Сказали, она уехала?

– А, да, они в Хабаровск переехали, – ответила бабушка. – Навсегда. Туда им и дорога. Чудные люди, не наши.

– Бабушка! Она – хорошая, – точно выстрелил Димка, сам того не ожидая.

Бабушка остановилась, пристально посмотрела на внука.

– Ну так кто ж спорит, – сказала она. – Может, и хорошая, кто знает.

– Я знаю, – тихо сказал Димка и отвернулся.

Он вышел из дома, пошёл к игрушкам. Которые так и не дождалась своей хозяйки – самой лучшей, самой доброй. И она их не дождалась. Не порадовалась им. Опоздал Димка. Он достал старенький телефон, набрал в поисковике «Хабаровск» – и сердце его упало. Дальний Восток! Совсем другой конец света. На семь часов вперёд время... И главное – навсегда.

Она теперь будет освобождать хабаровские ёлочки от снега и спасать хабаровских игрушек, выбро-

шенных на помойку, и... никто никогда больше не поступит с ней так, как поступил Димка.

Таксения, где ты?

Вернуть бы время назад! Исправить бы всё... Почему в жизни нельзя, как в компьютерной игре, вернуться на начало и пройти уровень заново?

Новые, ещё пахнувшие магазином игрушки смотрели на нового Димку своими живыми, недоумёнными глазами. А по высокому небу летели клочья облаков — лёгкие, белые, чистые. Новые.

Тимур Керимов

Родился в 2005 году в Ярославле. После окончания средней школы поступил в ГИТИС. Публиковался в сборнике «Causus Extraordinarius». Автор пьесы «Воздушный змей», вышедшей отдельным изданием.

Лера

Помню май и тот жёлтый, местами ржавый и наклонившийся набок гараж, на который мы с Лерой, когда ещё были подростками, забирались. Мы сидели и наблюдали, как небо медленно покрывается сизыми облаками. Лера – хрупкая мечтательная девочка с наивной улыбкой и совсем ещё детскими чертами лица, сидела близко ко мне, и я чувствовал её сладкий, похожий на ваниль, запах. Её длинные каштановые волосы легонько пошевеливались на ветру.

– А может, и правда, мне пойти учиться на актрису? – говорила Лера.

– Сможешь, конечно! – поощрял я.

Лере часто приходили странные мысли, и она всегда высказывала их мне. То она хотела стать парашютисткой, то тестировщиком водных горок, то вот – актрисой.

– А ты? Есть у тебя какая-нибудь грандиозная цель? – спрашивала она меня, – вот кем ты хочешь стать?

— Наверно, журналистом, — отвечал я, смущаясь, — не всем же летать и играть на сцене. Зато сколько всего узнаешь, можно мир повидать.

Естественно, это совсем не то, что она хотела бы услышать. Леру интересовали только яркие, необычные профессии.

Она меня не слушала, а просто сидела и сдувала одуванчики.

«Мелкая ещё, не понимает», — думал я.

Потом мы продали квартиру в Ярославле и переехали в Москву. Я закончил там школу, поступил в университет, нашёл подработку. За четыре года я успел привыкнуть к пёстрой столице, к её бесконечной суматохе и шуму. Постоянная занятость не оставляла места для детских воспоминаний. И всё же я часто скучал по родному городу. Мне действительно не хватало прежней тишины, беззаботности, какой-то даже свободы.

Наконец, появилась возможность ненадолго приехать в Ярославль. Родственники предложили пожить у них. Был конец мая, и с каждым днём заметно становилось теплее. Электричка остановилась у пыльного вокзала, пронзительно скрипнув тормозами. Я сел в рейсовый автобус и вскоре оказался на широкой, знакомой улице. Людей было мало. Иногда проезжали машины, тихо скользя шинами по шоссе с полустёртой разметкой, лаяли собаки. Я огляделся по сторонам и увидел пустырь. Огромное пространство, заросшее бурьяном. «И неужели это — город», — подумал я. После долгой жизни в столице это больше походило

на сельскую местность. Пустые улицы, низкие дома. Я шёл и вспоминал те места, по которым ходил ещё недавно. Вот здесь, у магазина «Продукты» мы шли с Лерой. Я провожал её до дома. Где она теперь? Какая она? Когда я уехал, наше общение как-то постепенно сошло на нет. Мы перестали переписываться ещё года три назад. И вот теперь мне ужасно хотелось узнать, какая она сейчас, та мечтательная девочка.

Я быстро шёл вперёд, движимый воспоминаниями. Слабый запах листьев и чего-то пряного напомнил мне давние встречи с Лерой. Три пятиэтажки. Да, это они! В какой-то из них жила Лера.

– Кирилл!

Я обернулся и увидел вдалеке женщину. Она ускорила свой шаг, догоняя меня. Непослушные волосы спадали на её полноватое лицо. Неужели это Лера? Как она пополнила! Бёдра раздались. На ней были потёртые джинсы и длинная расстёгнутая кофта. Она крепко обняла.

– Приехал? Ну! Как там в Москве?

Я несколько растерялся.

– Да так как-то. На журналиста учусь.

– Тяжело, наверно? Говорят, там цены дикие, всё дорого?

– Есть такое.

– С родителями живёшь или снимаешь?

– С родителями.

– Девушку не завёл? Да что ты на меня так смотришь? Не узнал, что ли?

– Да нет, просто... – я совсем смутился.
Не такой представлял я нашу встречу.
– А с Лерой ты виделся уже? – вдруг спросила женщина.
– В смысле с Лерой? – совсем потерялся я.
– Вон она идёт.
Она развернулась и громко крикнула:
– Лера-а-а!!
Я ещё не успел осознать, что происходит, как вдруг вышедшая в это время из подъезда девушка в коротком платье взглянула, узнала и кинулась в нашу сторону.
– Кири-илл! – она вмиг подбежала и бросилась мне на шею.
– Лера!
Я обнял её, всё ту же, хрупкую и худенькую девочку, почти не изменившуюся.
– Как я рад тебя видеть!
– А я как рада!
Мы шли, как когда-то давно к нашему гаражу, и разговаривали, разговаривали, не останавливаясь.
– А я всё-таки прыгнула с парашютом!
– Вот это да! Знаешь, а я и не сомневался в тебе!
– Мы должны прыгнуть вместе!
– Я не против!
Мы смеялись, и всё было, как и раньше.
Потом мы долго сидели на крыше гаража и молчали, наслаждаясь прохладным воздухом и тишиной. И Лера сдувала одуванчики.

Успевешь опаздывающего

— Если ты и завтра опоздаешь — я, блин, не знаю, что с тобой сделаю! — Слышу я Вовин смешок в трубке.

— Да понял я, понял! Не опоздаю, — твердо, сдерживая эмоции, отвечаю я и сбрасываю.

Завтра надо встать пораньше. И почему это именно в единственный выходной, в воскресенье.

Я потягиваюсь, ложусь поудобнее, и начинаю листать ленту ВКонтакте. Приходит три сообщения от Вовы: первое — «Реально». Второе — «Андрей пж постарайся». Третье — «Ждать не будут». Я стискиваю зубы и оставляю сообщения непрочитанными. Со всем пропадает желание листать ленту.

Ладно, есть такая проблема. Да, бывает, я опаздываю. Но не всегда! Я решаюсь посчитать, сколько раз я опоздал на этой неделе. Получилось три. Ну вот! Не всегда же! А потом до меня доходит, что было восьмое марта, и поэтому на этой неделе мы целых два дня не учились. В итоге получается, что опоздал я три раза из четырёх.

Звучит удручающе. Но я не знаю, что с собой поделать, понимаете? НЕ ЗНАЮ! Ведь опаздываю я всегда всего лишь на каких-нибудь там пять минут! Пять минут! Например, выходя из дома, я обязательно забуду выключить свет и начну бегать по всей квартире, налету ударяя по выключателям. Обязательно мне захочется пить, а в графине, как назло, закончится вода, поэтому придётся набирать её из фильтра и жадно

смотреть на тоненькую струйку крана. Обязательно сломается лифт, и придётся нестись с двенадцатого этажа, перепрыгивая ступеньки. Или ещё какая-нибудь такая мелочь, из-за которой я хоть на три минуты, да опоздаю.

Вот что делать, скажите? Или у меня у одного так?

На следующее утро просыпаюсь от сирены будильника, специально установил себе такую сирену. Вовин день рождения, проспять нельзя, не простит. Смотрю – ещё целый час! А ехать всего-навсего минут пятнадцать. Переставляю будильник. Просыпаюсь – сорок минут в запасе. Встаю, включаю вайфай и начинается: миллион сообщений, и столько всего нового... Проглатываю весь этот мусор, потом захожу в другие соцсети, а потом возвращаюсь в те, которые уже посмотрел. Зачем? Сам не могу понять. Смотрю на время, злюсь и начинаю носиться по дому, одеваться, умываться, собираю рюкзак. Сто раз клянусь себе, что отныне буду собирать его с вечера. Остаётся восемнадцать минут. Заглядываю в холодильник – готового ничего. Решаю сделать бутерброд, ищу нож, потом масло, потом хлеб, параллельно думая о том, что надо было встать на десять минут пораньше. Закидываю масло – в хлебницу, хлеб – в холодильник. Наливаю воду в кружку, проливаю, вытираю носком, бегу в прихожую. Вылетаю из дома, бегу на остановку. Через двадцать минут надо быть, а ехать – восемнадцать! Успеваю! Стою, жду транспорт. Проходит две минуты, три, пять. Проезжает несколько автобусов,

но все в другом направлении. Восемьдесят второй будет через две минуты! Есть шанс! Жду минуту, две, три... Вдруг карты обновляются, и оказывается, что автобус будет не через две минуты, а через восемь. Вызываю такси. Никто не принимает заказ. Осталось пять минут, четыре. Повышаю стоимость на двадцать рублей... на сорок... на пятьдесят! Никто не берёт... Без двух минут, без одной. Ну вот! Снова опоздаю. На этот раз уже минимум на десять. Вот уж Вова вволю поиздевается! Чувствую, как на меня накатывает неприятная волна обиды и тревоги. И мне ничего не остаётся кроме того, как написать о том, что я якобы заболел, и вернуться домой. Становится как-то тошно и от дня рождения, и от Вовы, и от самого себя. И больше всего именно от самого себя.

Покупаю чипсы, колу и иду домой. Дома, развалившись на диване, смотрю сериал про каких-то грабителей-неудачников, ем чипсы и запиваю их колой. Тут есть и свои плюсы: не надо тащиться с утра по малоллюдному воскресному городу, натянута улыбка, выслушивая Вовины остроты по поводу моих вечных опозданий.

Достаю телефон и уже автоматически захожу в ВК и вижу шесть непрочитанных сообщений от разных людей, от тех, кто сегодня был на Вовином Дне рождения. Все желают мне скорейшего выздоровления. Чувствую себя как-то неловко. И тут звонок от Вовы.

— Болеешь?

— Есть немного.

- Горло?
- И горло.
- Температура есть?
- Тридцать семь и семь.
- Врача вызывал? – в Вовином голосе звучит неподдельная тревога.
- Да ну их, врачей этих. Сам лечусь.
- Ну, ты это, лучше бы вызвать.
- Обойдётся. Я антивирусное принял, вечером мать чай с малиной сделает, горчичники там...
- Давай я приеду, в аптеку сбегать...
- Да нет, что ты, – пугаюсь я, – не нужно, заразишься ещё. У меня всё есть.

С ужасом представляю себе, как Вова звонит в дверь, как я открываю ему, кутаясь в одеяло и притворно кашляя. Как потом лежу с заранее натёртым до тридцати восьми градусником под мышкой, с кислой рожей мнимого больного, а он сочувственно поправляет мне подушку, моет на кухне привезённые яблоки и рассказывает о том, как прошёл день рождения. Лучше бы меня автобус сбил! Господи, если ты есть, сделай так, чтобы Вова не приехал! А я, вот честное-пречестное, никогда больше... Вот чем хочешь клянусь!

– Ну, давай, поправляйся, – говорит Вова, – звони, если что.

Никак не ожидал от него такого сочувствия. Вроде знаю его сто лет и вот на тебе.

Сижу некоторое время, уставившись в окно, где накапывает дождь, царапает стекло, тонко стучит

по железным карнизам. Всё же как-то надо подготовиться, на случай внезапного прихода. Захожу в Интернет, гуглю: «Как притвориться больным?» Похоже, все эти инструкции пишут тихие садисты. Выбираю самое безобидное: обернуть горло шерстяным шарфом, навалить на столик перед кроватью побольше всяких таблеток, натереть или нагреть в горячей воде градусник. Наливаю в кружку горячей воды, почти кипятка, сую туда наш термометр. Столбик ртути прыгает вверх, стеклянная колбочка градусника с тихим хрустом лопаётся, блестящие капельки ртути разлетаются по полу. Мать честная! Что теперь делать? Ртуть же ядовитая! МЧС вызывать?!

И тут в прихожей раздаётся звонок. Вот говорил же мне дед, а он всю жизнь был атеистом: никакие высшие силы не помогут, если сам дурак! Обмотавшись на скорую руку шарфом, понуро иду открывать. Нет, Бог всё-таки есть! На пороге мама. Конечно, теперь придётся объясняться с мамой и строить из себя мнимого больного перед ней. Но это уж совсем другое дело.

«Всё, — решаю я вечером, ложась спать и устанавливая будильник. — Больше никаких опозданий! Ни-ка-ких!»

Но утром, продрвав глаза после воя сирены, понимаю, что немного перестарался, что до начала занятий целых полтора часа, и переустанавливаю будильник.

Елена Волкова

Родилась в 1968 году в Ярославле. Окончила Ярославский технический университет, академию промышленного менеджмента им. Н. П. Пастухова. Педагог-организатор. Публиковалась в сборнике рассказов «Casus Extraordinarius».

Бесиво

На первом причале своя атмосфера, шумно и многолюдно. Туристы с чемоданами в ожидании посадки рассматривают сувениры. Большая женская компания фотографирует друг друга у борта туристического теплохода. Кто постарше держатся поодаль от них и увлечённо беседуют, поглядывая на то, как техники выносят и подключают колонки возле корпоративной фотозоны. Лёха с Андрюхой уже полчаса прятались в толпе, держась в тени тен-тов сувенирных развалов. Пива нигде не продавали, просто так стоять уже надоело, и они осторожно продвинулись в сторону стола.

— Видал, там возле списка остались билеты, — Лёха выглянул из-за хлипкого, мотающегося на ветру стенда, — возьми, пока нас не выгнали?

Включили фанфары, вышел ведущий, все обернулись на звук. Воспользовавшись этим, приятели смело подошли к столу, покопавшись для вида в куче цветных флаеров с непонятными названиями латиницей, прихватили по билету.

– Гляди, Светка по набережной идёт! – шепнул Андрюха.

Лёха глянул и быстро отскочил за стенд, присел, снял и принялся выворачивать полосатую футболку, Андрюха глубже надвинул кепку.

– Все мозги проклевала, – ворчал снизу Лёха, – по врачам гоняет.

– А моя даже не ищет, домой сегодня не пойду!

– Ты вчера без телефона ушёл.

Светка внимательно осмотрела торговые палатки, спустилась на причал и остановилась в тени, с интересом прислушиваясь к словам ведущего. Иногда она оглядывала публику, высматривая знакомые силуэты. Наконец, решившись, подошла к организаторам, заговорила, показывая что-то в телефоне и энергично кивая.

– Чего это она? – Андрюха указал на Светку.

Не отрывая от неё глаз, они медленно пятились в толпе отъезжающих.

Объявили посадку, заиграла музыка.

– А вы с нами? – поравнявшаяся с приятелями миловидная блондинка с интересом разглядывала незнакомые лица.

– Ага, мы новенькие, – Лёха расплылся в улыбке.

– Идёмте я вам всё покажу, мужчины в нашей профессии редкость.

Андрюха тут же расправил плечи, взял чемодан блондинки и под руку повёл её к трапу. Лёха, ещё раз оглянувшись на жену, пошёл следом. Теплоход отчалил, и они затерялись в общей суете, пока все разме-

щались по каютам. На украденных билетах никаких номеров не было, зато красовалась надпись «Приглашение». Пассажиры заполняли большой зал на второй палубе, куда перед общим собранием подали приветственный фуршет. Приятели разочарованно оглядывали столы: чай, кофе, минералка, немного печенья с конфетами. Закусывать нечего и нечем. «Ладно, прокатимся, до остановки не высадят, жена уже остынет», — думал Андрюха, выбирая места в зале для них и блондинки. На сцене началась непонятная движуха: приветствия, поздравления. На экране сменяли друг друга унылые графики статистики. Слушатели одобрительно кивали, вполголоса переговаривались.

— Непьющие они, — поморщился Лёха, указывая на заголовки.

Он повернулся и протянул их спутнице взятую со стола конфету, она кокетливо улыбнулась ему в ответ.

— Моя тема! — она гордо указала на слайд «Психология зависимостей».

— Чего? — насторожился Андрюха.

Презентация закончилась, зал притих.

— И, наконец, позвольте представить вам наших героев, вызвавшихся участвовать в эксперименте! — ведущий явно указывал на приятелей. Послышались удивлённые возгласы, все захлопали, блондинка разочарованно отвернулась. На экране появилось фото с последнего застолья. Радостный пьяный Лёха наливал в Андрюхин стакан сразу из двух бутылок. В зале засмеялись.

– Приветствуем будущих независимых! – крикнул кто-то из первого ряда.

Пришла СМС от Светки: «Приятного путешествия!». Покрасневший Андрюха шумно задышал.

– Ведьмы! – выдохнул Лёха.

Стояточный тормоз

Иван Иванович привычно остановил машину на самом краю стоянки, там, где начинались старые частные дома. Тут и выехать можно в любую сторону, и посетители торгового центра сюда не парковались. Его жена Анна Михайловна вздрогнула от неожиданности. Перед капотом шестёрки откуда-то снизу выскочил местный дурачок.

– Толя, ты опять ворон считаешь?

– Мух, дядя Ваня, и галок! – радостно доложил парень.

– Нету мух, я не из деревни еду.

– Уууу.

Толя всерьёз расстроился и потерянно закрутился на месте, оглядываясь в поиске птиц. И тут же присел возле другой машины, внимательно разглядывая бампер.

– Мух? – заинтересовалась жена.

– Галки приспособились склёвывать сбитых насекомых с машин, – пояснил Иван Иванович.

– Глядите, идёт!

Толя в предвкушении указывал пальцем на переднее колесо внедорожника, откуда появилась галка, размеренно покачиваясь, она прошагала к своей цели, подпрыгнула и, уцепившись за радиаторную решётку, принялась клевать. Анна Михайловна заулыбалась.

– Эх, Толя, тебе бы дело полезное найти, денежки к твоей пенсии не помешают, – вздохнул старик. – Пойдём, Аня.

Анна Михайловна протянула Толе пакет.

– На вот булочку мягкую, пакет не выбрасывай, за яблоками заходи, паданцев дам, нынче много их.

– Спасибо, сегодня некогда, завтра утром приду, – Толя взял пакет, поклонился и побежал вглубь стоянки.

К шести часам, обычно, к торговому центру начинали активно съезжаться машины покупателей. Толе было интересно на них смотреть, разговоры хотелось послушать. Но близко он не подходил, не давали цыгане. Эти то и дело объезжали стоянку по периметру, иногда, увидев водителей, выгружающих покупки, сворачивали в ряды. Предлагали купить посуду или инструменты. Толя тоже пару раз подбегал к ним из интереса, но они обзывали его тормозом и прогоняли. Местные мальчишки быстро подхватили прозвище и разнесли по посёлку. Толя обижался, но болтать с посторонними ему было некогда. С утра он наблюдал за птицами, потом за покупателями, помогал собирать оставленные тележки, подвозя их к мачтам освещения. На работу его, понятно, не звали, но администрация была не против, к вечеру рабочие выносили ему готовую еду.

Интересно! Незнакомый здоровый мужик басом что-то выкрикивал, продвигаясь между рядов. На удивление быстро он собрал вокруг себя довольно много людей. Толя подошёл и, поднявшись на носки, пытался рассмотреть, что мужик продаёт. Стоящий справа местный алкаш толкнул его:

– Тебе чего тут надо, Тормоз?

Толя отлетел в сторону иномарки, выставил вперед ладони, упёрся в кузов. Водитель сорвался в сторону алкаша, но тот вовремя отскочил и бросился бежать.

– Уууу, – жалобно протянул Толя и показал ладони.

Круг разомкнулся, впустив его в первый ряд, и он увидел карты.

– Сам посуди, – продолжал свою речь здоровый мужик, – где ты возьмёшь схему объезда? Вокруг одни болота, окружной дороги нет, и приходится крутиться по городу, где повсюду одностороннее движение, тупики, промышленные зоны. Колёса проколоть – раз плюнуть. Часами петлять будете!

– Это точно! Приходилось бывать, – кивали водители.

Цену он просил небольшую, и карты раскупили сразу же. Толя зачарованно смотрел на мужика, напомиравшего ему Деда Мороза.

– Обижают? – сразу догадался мужик.

Толя склонил голову.

– Ну, пойдём в машину, расскажешь.

Проговорили они долго. Мужик много расспрашивал, хвалил за опрятный вид.

– Они меня тормозом называют за то, что я по стоянке гуляю, наверно. А мне тут нравится!

– Получается, что ты стояночный тормоз, – засмеялся Дед Мороз.

Толя нахмурился, но промолчал.

– Да не обижайся ты, стояночный тормоз – это важный механизм в машине, смотри, покажу, как работает.

Толя осторожно потрогал ручник.

– А почему просто деньги не просишь? – прищурился Дед Мороз.

– Нельзя, дядя Ваня говорит, надо дело полезное найти.

Договорились встретиться завтра, Дед Мороз пообещал подумать, как помочь, и уехал. Торговый центр уже закрывался, и Толя пошёл ждать дрифтеров к месту сбора у кривой мачты. С ними было свободно, можно послушать музыку, посмотреть заезды. Поначалу, пугаясь громких звуков, он закрывал уши руками, но со временем привык. Уселся на бетонную плиту и вытащил из пакета булку. На парковку неспеша заехал первый автомобиль, Толя приветливо замахал, узнав Сёрфера, и тут же удивлённо замер. Мигнув фарами, машина стремительно набрала скорость и понеслась прямо на него.

– Ё! – раздался сзади хриплый голос.

Стоящий за спиной алкаш уже занёс руку для удара, Сёрфер врубил дальний свет.

– Уууу, больно!

Толя схватился за плечо, повалился вперёд, удар пришёлся вскользь. Сёрфер дёрнул ручник, ушёл

в занос, догнал алкаша и загородил ему путь к отступлению. Спереди подъехала колонна дрейфтеров.

Что было дальше с алкашом он не видел. Медленно и неуклюже поднялся с асфальта, опираясь на локоть левой руки. Его все знали, поэтому парни подбежали сразу.

– Ты живой? Ты чего на руку не опираешься, попал он, сволочь?

– Тут булка, – Толя разжал кисть и показал недоёденный кусок, – мама говорит, хлеб на землю нельзя.

– Ну... правильно говорит... – Сёрфер не нашёлся что ответить.

Все облегчённо засмеялись, в общем закрутилось как обычно, понеслось. Ночь ещё только начиналась.

В пятницу Иван Иванович, подходя к машине, увидел, что его дожидается Толя. Он стоял счастливый в костюме груши, на шапке красовалась ветка, а на боку – жёлтая мягкая сумка, из которой высывались краешки листовок.

– Вот! – Толя показался со всех сторон и протянул листовку. – Я груша!

– Поздравляю! А как же ты работу получил? – удивился Иван Иванович.

– Дед Мороз помог. Мне бежать надо, машина подъезжает. Дядь Вань, а ты в деревню?

– В деревню, будут тебе к вечеру мухи.

Иван Иванович проводил взглядом убегающего парня.

Моржество

Устав ожидать в холле, курящие гости вышли на улицу. На мраморных ступенях Дворца бракосочетаний никого не было. Поодаль группа детей высматривала в снегу монетки, в ожидании выхода новой пары молодожёнов.

— Гляди, утро, а эти уже при деле, — Михалыч оглянулся на старшего сына. — А что наши, тоже будут деньги кидать?

— Откуда у них деньги-то? — Миша пожал плечами, показал отцу первые сделанные в фойе фото.

— Первый раз вижу невесту в брюках.

Михалыч вздохнул, женить младшего он не хотел. Кто женится в двадцать лет? Разве что по великой любви или по необходимости... Но ничего подобного не было. Однажды Сашка привёл домой здоровенную рыжую девицу почти с него ростом и сообщил, что женится. Девица поздоровалась и принялась недовольно разглядывать простую обстановку хрущёвки. В комнате повсюду стояли тазы и вёдра, тёща резала для сушки последние осенние яблоки. Чай пили на кухне.

— В тесноте да не в обиде, — приговаривала мать.

Девица молчала, нейтрально глядя на будущих родственников. Она пыталась удобнее расположить длинные ноги под столом, то и дело задевая его ножки коленками. Горячий чай второй раз уже выплескивался из наполненных до краёв кружек. Мать так

и осталась сидеть с тряпкой в руке, пока Сашка резал принесённый ими торт.

В тот день дома разразилась ссора. После ухода Полины, так звали невесту, не выдержала тёща Михалыча. Ей не понравилось всё: высокомерное молчание, короткое мятое платье, широкие коричневые брови, ярко-красная помада.

— Бабушка, ты тоже хороша! Зачем ей старые дедовы тапки вынесла?

— Так у неё поди 43 размер! Где ты только нашёл такого гренадёра! — возмущалась она.

— На остановке, — честно ответил Сашка, — разговорились, она меня подстричь обещала.

— Парикмахер что ли? — оживилась мать.

— Нет, просто зарос я, подумал: или она, или другая в обед машинкой пострижёт. Я её выбрал.

Стало ясно, откуда у Сашки выбритый пробор и кривоватые полосы на затылке. Никакие уговоры не действовали, ни про возраст, ни про зарплату. Откладывать свадьбу он не хотел.

— А жить где будете? — Миша всю жизнь делил комнату с братом.

— Снимем квартиру.

— Денег нет! — предупредил Михалыч.

— Тогда комнату.

Сашка убежал, оставив семейство разбираться со внешне свалившимися на голову свадебными хлопотами.

С её родителями толком познакомиться не удалось, один раз встретились, холодно пообщались,

выбор дочери они явно не одобряли, вкладываться в свадебные траты не спешили. Разговор вела мать, отец, пытаясь как-то поправить общее неудобство, позвал Михалыча на рыбалку.

— Чего им не радоваться — ворчала вечером тёща, — пристроили нам свою дылду безработную!

— Видели, как они с мамашей на нас зыркнули, когда отец про комнату сказал? — прищурился Миша.

— Оставайтесь с нами, как-нибудь уживёмся, — вздохнула мать, перехватив тяжёлый взгляд старшего сына.

— Может, на первое время, пока не накоплю на квартиру. — задумался Сашка и уткнулся в телефон, ища варианты подешевле.

— Завтра предложи Полине, я её и готовить научу. — Тёща ехидно заулыбалась, раскладывая по тарелкам свой фирменный рассольник.

— Скажу, готовить она и правда не умеет.

Михалыч решил отмалчиваться до последнего, отказывать Сашке уже поздно, но и представить семейную идиллию в тесной квартирке он не мог. Подготовка к свадьбе стремительно набирала обороты, за всякую ерунду, вроде фотографа или фейерверк, платить он не собирался. Главное, чтобы всё прилично, без излишеств. Для торжества заказал второй зал студенческой столовой, гордо именуемой кафе «Зачёт». Надо было видеть кислые лица молодых, ничего, потерпят.

Дверь Дворца бракосочетаний приоткрылась, оттуда выглянула свидетельница невесты, замахала

рукой: пора. Парни потянулись ко входу, пропуская вперёд отца жениха. Вошли в зал. Михалыч встал рядом с женой и встретился с неожиданно тёплым взглядом тёщи. Молодые уже стояли перед регистратором. Женщина с высокой причёской, в вечернем платье, окинула туманным взором всех присутствующих, набрала воздуха и заговорила высоким мягким голосом про торжественный день, соединение сердец в горе и радости. И уже дошла до «любовь спасёт мир», когда жених неожиданно закашлялся. Миша шагнул вперёд и чувствительно двинул брату по спине, кашель прекратился. Невеста то ли всхлипнула, то ли усмехнулась, опустила глаза и уставилась в пол. До радости ещё дотерпеть надо, жить придётся с родителями и с бабушкой, которая за два месяца порядочно потрепала ей нервы своей неуёмной активностью. Сашка на это внимание не обращал, отмахнулся, сказал, что она просто так заботится. Привык, не замечает, он же внук. А ты будешь злодейкой, отнимающей у них сына и кусок квартиры, вспомнила она мамины слова. Может, и обойдётся всё. Кокетливо улыбающиеся беззаботные подружки Полины строили глазки друзьям жениха.

Пытаясь усмотреть во всём добрый знак, регистратор погрузилась в неисчерпаемую тему заботы о ближнем. Гости в нетерпении переминались с ноги на ногу, словно цирковые кони, ожидающие команды на выход. Михалыч косился на стол с шампанским. Родители невесты только это и оплатили. А с виду

нормальные, на рыбалку вот только не сходили пока. Родители Полины держались особняком, мать хмуро поглядывала на родню жениха и недорогой букет в руках дочери. Наслаждалась происходящим только его тёща, расположившаяся на стуле поближе к молодым. Она бесцеремонно разглядывала невесту и многочисленных гостей.

— Настоящий уют: запах глаженого белья и домашнего печенья... — не унималась регистратор.

Тёща Михалыча так энергично закивала, что молодые тревожно посмотрели в её сторону. У Полины вырвался страдальческий вздох.

— Мааам, — промычала она и обернулась к родителям.

Не дожидаясь ответа, сунув Сашке букет, Полина решительно зашагала к выходу, свидетельница засеменила следом. Гости обмерли, повисла тишина. Свидетель исподтишка показал друзьям большой палец. Тёща Михалыча покосилась на родителей невесты и наконец произнесла: «А вы? Остаётесь?» Гости начали оттаивать, по залу прошла волна смешков.

— Спасибо, бабушка! — выдохнул Сашка и вручил ей букет.

Первым засуетился Михалыч, казалось, он первый раз с утра вздохнул свободно. Увлекая жену за собой, пошёл обниматься с застывшими от неожиданности родителями Полины. Какое-то время они потерянно оглядывались, смотрели, как хохочет тёща Михалыча, хвастаясь букетом невесты, как друзья

жмут руку жениху, а регистратор убирает документы со стола.

— Шампанского? — неуверенно предложил несостоявшийся тесть.

— Пойдём в кафе знакомиться, — подталкивал их к выходу радостный Михалыч, — торжество оплачено!

Анастасия Долган

Родилась в 1997 году в Ярославле. Окончила Ярославский педагогический колледж, работает преподавателем в школе искусств города Гаврилов-Ям. Дипломант международного конкурса женской прозы «Новые амазонки». Публиковалась в сборниках молодёжной прозы «Лестница в небо», «Caus Extraordinarius», автор книги стихотворений «Шальной июнь».

Не вернись

Давно Лёха её видел, очень давно. Последний раз лет десять назад, в автобусе. Кажется, ехала на учёбу. Она сидела напротив, у окна, болтала с кем-то по телефону. Счастливая, красивая. Тёмные глаза сияли, из-под пушистой шапки неизменно выглядывала тёмно-русская коса. Вот только по этой косе её и можно было узнать.

А так — совсем не похожа на ту девочку Аню, которая когда-то пришла в их класс. Так и не смог с ней заговорить. Она вышла раньше. Прошла мимо, продолжая решать по телефону свои дела, так и не заметив Лёху. В общем, как и всегда. Больше они не виделись. И Лёха снова забыл о ней. Жизнь затянула, заволокла в своё болото: семья, работа, ребёнок.

А вот сегодня... Пришёл с завода затемно, усталый и злой, как собака, бухнулся на диван, прикрыл глаза. И тут — Жанкин голос из кухни:

- Лёшка, иди сюда! Иди скорее!

- Что случилось? - Лёха испугался, чуть с дивана не рухнул. Чего орать-то как заполошенная?

- Да иди сюда, дурак! Пропустишь всё! - настойчиво кричала Жанка.

Поспешил. Да и сам чуть не закричал, с удивлением вглядываясь в экран.

Аня давала интервью высокому вертлявому журналисту в клетчатой рубашке.

- Напоминаю Вам, уважаемые телезрители, - бодро трещал журналист почему-то женским голосом, - что сегодня у нас в гостях Анна Леонтьевна Любович. Анна Леонтьевна единственная среди участников Ярославской области, вошедшая в пятёрку лучших во всероссийском конкурсе на звание «Учитель года». Анна Леонтьевна, как вам удалось замотивировать школьников в таком трудном предмете, как история?

- Прежде всего - археологическими раскопками. Земля хранит столько тайн прошлого! И ребятам нравится прикасаться к этим тайнам непосредственно, своими руками.

- Смотри-ка. Куда пролезла, - вставилась Жанка.

Но Лёха её не слушал. Анино лицо смотрело на него совсем близко, крупным планом. Оно улыбалось им с Жанкой легко, просто, открыто - как когда-то в детстве, когда она впервые вошла в их класс.

- Ребята, познакомьтесь. Это наша новенькая - Аня Любович, - представила Надежда Сергеевна, их классная, подтолкнув вперёд худенькую девчонку с тёмно-русой косой. Новенькая смутилась, поправи-

ла длинный сарафан. И вдруг улыбнулась так светло и располагающе, что все пацаны замерли. А Лёха отчего-то растерялся.

- А ничё, красивая! – потолкал его в бок рыжий сосед по парте двоечник Кротов.

- Ну, так. Ничего, – нарочито небрежно бросил Лёха и отвернулся.

Никогда он не испытывал перед девчонками смущения. Наоборот, это они за ним увивались. А тут! Сам от себя не ожидал.

- Прошу любить и жаловать, – продолжила между тем классная.

- Ага. Любить и не жаловаться, – отчеканивая каждое слово, язвительно прокомментировала Жанна с первой парты, с прищуром рассматривая Аньку.

Новенькая ей не понравилась. Лёха тогда не понял почему.

- Деникина! – прикрикнула Надежда Сергеевна.

- Молчу, молчу! – Жанка с притворной скромностью опустила глаза.

Новенькая как будто не обиделась. Только посмотрела серьёзно, чуть удивлённо, глубокими, тёмными глазами. И спокойно села на указанное классной место, как раз позади Деникиной.

Лёха сидел сбоку, во втором ряду за третьей партой, откуда было хорошо видно новенькую. Тонкий профиль её чуть покачивался над столом в такт движениям рук. Она сосредоточенно выводила что-то в тетради. И только коса неподвижно лежала на спине,

прикрывая тонкую, беспомощную шею. «Дёрнуть бы, — подумал с тоской. — Интересно, заверещит или нет?»

От этого стало жарко и сухо во рту. Он заволновался, заелозил на стуле, отвернулся. Так и просидел весь урок, как на гвоздях.

А на перемене её окружили девчонки. Первой начала Жанка. Резко повернулась к новенькой, смерила колючими, зелёными глазами. Спросила:

- Ты откуда приехала-то?

- Из Иркутска.

Голос тихий, дрожащий, как она сама. Сколько же ей лет? Ну, никак не тринадцать. На тринадцать она не выглядит. Лёха внимательно вслушивался в разговор, делая вид, что смотрит в телефон.

- Надо же, а я уж думала, из Туркменистана. А фамилия почему такая? Не русская что ли?

- Я сербиянка на четверть. А так русская.

- Серби чего? — переспросила веснушчатая Тонька.

- Страна такая есть, Тонь, — снисходительно пояснила Жанка. — А там народ такой живёт — сербы.

- Ну, извиняйте! — Тонька развела руками. — Не знала!

- Так ты и не узнаешь никогда. Куда уж тебе!

Она училась хорошо, в отличие от Тоньки. И внешне могла бы быть вполне симпатичной, если бы не характер.

- А чё сюда решили перебраться? — продолжила допрос Жанка. — Там хуже что ли?

- Город большой всё ж таки! — растягивая слова, встряла Катя, подходя сзади.

– А мне это... – Аня заморгала, видно, занервничала. – Нельзя в городе жить. По медицинским показаниям. У меня астма.

– Припадки что ли? – насмешливо перебила Жанка.

– Это заболевание легких такое, при котором задыхаешься, если есть аллергия на пыль, на выхлопы, на еду, – вздохнула тяжело, будто уже сейчас задыхалась.

Девочки переглянулись. Лёха удивился, подумал: «Наивная значит, не понимает подколов. Зачем она с ними так? Они же смеялись, не ждали никаких объяснений, а она всерьёз».

В общем, стало ясно, отношения у новенькой с классом не заладятся. Не умеет за себя постоять.

У неё всё было всерьёз. Наверное, в этом и была её главная беда. Она старательно училась, всегда делала домашку. И не отвечала на мальчишеские заигрывания, как другие. Может, поэтому они так бились за её внимание.

И Лёха, и Вовка Кротов, и друг Кирька, и занудный Васька, который на девчонок раньше не смотрел. Почти полкласса. А она только посмотрит, как всегда, удивлённо и опять нос в тетрадь опустит. Нет их, не существует для неё.

Это, конечно, здорово пацанов бесило. И понимая, что бесится и страдает, он ещё активнее атаковал Аню жеваными бумажками из трубок, громко смеялся, когда Жанка начинала её доводить. А она доводила.

Всё не могла простить новенькой её красоты. То мелом спину испачкает, то огрызок яблока в карман курточки незаметно подсунет, а то обернётся на перемене и всё просвечивает, просвечивает взглядом.

- Ты чего хотела? – спросит Анька.

- Хочу и смотрю, – Жанка откинется на стуле. – Чё, нельзя? Музейный экспонат что ли?

- Да вот, представляешь! – Анька пыталась отшутиться.

- Ну, тогда плачу пять рублей, – и Жанка, вываливая Аньке на стол пятирублёвую монету, поставила точку в разговоре. – Ты красивой можешь быть только на фотошопе.

Лёха нарочито громко смеялся, так, чтобы эта гордячка слышала. Так просто подойти не решался. Есть же такие девчонки, которым особое отношение нужно. Рискнул, добавил в аське и спросил: «Как дела?» И ведь ответила: «Привет! Хорошо!» Разволновался, обрадовался. Дело пошло! Спросил ещё: «Что делаешь?» Ответ оказался неожиданным:

- Книжку читаю.

- Какую?

- «Маленький принц» Экзюпери.

Лёха не знал, что ответить, хотел сумничать, но не вышло. Ответил привычно смайликом. Она спросила:

- А ты какие книги любишь читать?

И ведь надо было соврать! Соврать надо было, дураку! А он ответил с гордостью:

- Никаких!

- Наверное, тогда нам не стоит больше переписываться. У нас нет общих интересов.

Вот так и отшила с налёту.

Лёха не понял, несколько минут смотрел на сообщение. Это она с ним? С ним, с первым красавцем класса? Подошёл к зеркалу, поправил вихрастый чуб, оглядел круглый подбородок, родинку над губой, чуть прищурил карие, блестящие глаза. «Выделяется! Умную из себя корчит! Значит, права Жанка? Действительно – задавака!»

Решил мстить беспощадно.

Теперь на уроках он уже зло оплевывал Аньку из трубок, пинал портфель, хихикал вместе с Жанкой, обзывался. Жанке она отвечала, ему нет. Ничего не менялось.

И вот однажды весной Анька появилась на пороге класса в короткой клетчатой юбке и капроновых колготках. Класс замер. Все знали – Жанка юбок не терпит, поэтому никто из девчонок их не носил. Ждал и Лёха: что будет?

- В секс-шоппинге юбку покупала, да? - Жанка первая прервала молчание.

Анька, как всегда, молча пошла на свое место.

- Да какой секс-шоппинг, Жан! - запела Катька со своего ряда, - на ней же всё висит, как на вешалке! И смотреть-то не на что!

- А Лексус-то смотрит! - протянула насмешливо Жанка.

Как кипятком ошпарила. Лёха вздрогнул, отвернулся.

– Кто, я? – Дёрнул плечом, постарался сказать как можно небрежнее:

– Да чё там смотреть-то?

– Конечно, конечно! – ехидничала Жанка. – А покраснел-то отчего?

Аня тем временем спокойно доставала из рюкзака учебные принадлежности. Вдруг Жанка обернулась и со всей силы дёрнула Аньку за юбку. Юбка легко слетела, закрывая белые Анины балетки с маленькими бантиками. Все разом замолчали. Сидящая позади Ирка ахнула. Васька покраснел, нарочито громко засмеялся и отвернулся, чтобы никто не видел, как он шмыгает носом.

– Какая же ты худая! – презрительно оглядев Аньку сверху вниз, сказала Жанка.

Ноги у Аньки действительно были как спички – тонкие. Коленки – острые, ещё не округлой женской формы. Но юбка ей всё же шла, делая её милее, женственнее. А теперь – ещё меньше и беззащитнее. От этого в носу у Лёхи защипало и будто само сорвалось:

– Ты дура, Жан.

Жанка оборвала смех, побледнев, резко обернулась к нему, подняла удивлённо одну бровь:

– Влюбился? В это чмо? – она улыбалась, но щека её при этом дёргалась. – А за что её любить-то? За что?

Она хотела было сказать ещё что-то, но не успела. Аня, уже натянувшая юбку, вдруг схватила с парты

железную подставку для учебников и ударила Жанку по голове.

– Ведьма! – голос не её, не Анькин – звонкий, разлетелся по притихшему классу.

Она как будто и сама не ожидала от себя такого. Качнулась, как подрубленное дерево, от собственного крика. На раскрасневшееся лицо упала прядь волос, в тёмных глазах сияли слёзы. Она казалась теперь Лёхе как бы выше ростом. А может – и в самом деле выросла в их глазах.

А ведь и в самом деле было в ней что-то – какая-то сила, стержень, об который ломались все их провокации.

Бледная, испуганная Жанка забормотала растерянно:

– Ты чё, ты чё, дура что ли? Ты ж мне голову пробила! Да я тебя после школы! – последнее она прошипела больше испуганно, чем с угрозой. Из башки у неё действительно шла кровь. Видно, острый уголок подставки расцарапал кожу.

Разбирательство, конечно, было. Вызывали родителей Жанкиных и Аниных.

Но все, и учителя, и родители, оказались на Аниной стороне.

Что происходило в кабинете Лёха и другие пацаны не знали. Узнали потом, когда Анька вошла в класс с неестественно прямой спиной и неестественным для неё металлическим блеском в глазах.

Все поняли – теперь она будет другой. Девки к ней больше не приставали, пацаны не обзывались.

А он, Лёха, теперь старался не смотреть в её сторону. Вернее, смотреть-то он смотрел, но так, исподтишка, стараясь не сталкиваться взглядом напрямую. Всё время эта юбка упавшая мерещилась, и этот взгляд, вечно укоризненный, насквозь прожигал. Ну что он мог тогда? Дать Жанке по морде? Но ведь и она тоже девчонка. Не мог. Наверное, надо просто было принять и успокоиться. Но тогда, в сумасшедшем подростковом возрасте принять — означало опозориться. И он перестал об этом думать.

Так незаметно пролетело время до одиннадцатого класса, потом экзамены. А потом — потом прощальная линейка.

Аня сидела в зале совсем близко от него. Только теперь он видел её затылок. Высокий куколь, всё такая же беспомощная шея, чуть прикрытая золотящимися на солнце локонами.

Директор, как полагается, называла фамилии. Выпускники выходили на сцену один за другим. Она вышла — уверенно и твёрдо, цокая каблучками. В розовом платье, хорошо обтягивающем хрупкую фигуру и маленькую грудь, чуть покачивающуюся в такт шагам.

И Лёха снова чувствовал себя дураком полнейшим оттого, что не подходил к ней раньше. Но сегодня — нет! Сегодня он обязательно пригласит её на танец и признается.

Ане вручали красный аттестат с золотой медалью. Жанка, сидящая за его спиной, хмыкнула многозначительно. Ей тоже вручали красный, но без золотой

медали. Проходя мимо, она бросила на Аню многозначительный взгляд.

После торжественной части Лёха так и не смог к ней подойти. Опередила Жанка. Подошла, чуть покачивая полными бёдрами. Заглянула в глаза:

- Ну, как, Лексус, в ресторан-то с нами идёшь?

- В ресторан? Ну да, - пробормотал он растерянно и отвернулся, ища глазами в толпе выпускников Аньку.

- А чё грустный такой, а? - Жанна мягко положила руку на плечо, её глубокое декольте оказалось совсем рядом.

- Ну, ушла она, ушла! Ушла твоя принцесса. Не захотела, видишь ли, - она вздохнула с притворной грустью, - с тобой танцевать.

Ушла! Да, среди выпускников Ани действительно не оказалось.

На танец он пригласил Жанку. Вернее, она, как всегда, напросилась сама. Взяла на слабо. Потом все вместе пошли в ресторан. Там тоже танцевали и много пили. Что было дальше Лёха не помнил. Очнулся утром с Жанкой в одной постели и удивился. Думал, что больше не увидятся. Институт, учёба, новые знакомства - надеялся он. Но через месяц Жанка сама его нашла и сообщила о беременности. Так он совершил роковую ошибку в своей жизни. Пришлось переводиться на заочное, идти работать.

Хотя, Жанка оказалась по-своему неплохой женой - заботливой, хозяйственной. Работала она

бухгалтером в администрации. За годы совместной жизни он даже привык её слушаться. И только временами возникало ощущение лёгкой грусти, несбывшихся надежд что ли?

- Лёх, ты оглох? - Жанка ткнула его в бок острым локтем, - слушай, чё говорят-то!

Туман рассеялся. Прежняя девочка Аня превратилась в учительницу Анну Леонтьевну.

- Что бы вы хотели пожелать на прощание молодым педагогам, которые только начинают свой путь? - обратился к ней ведущий.

- В первую очередь, - Аня опять улыбнулась, - любви. Любви к детям и своему делу. Ну, и, конечно, терпения, уверенности в том, что ты делаешь. Тогда и результат не заставит себя долго ждать. Вот, пожалуйста, и всё. - она смущённо пожала худенькими плечами, глядя в экран так же светло и радостно. Ведущий посмотрел на неё с восхищённым удивлением и опять затарахтел:

- Вот, дорогие телезрители! Какие замечательные люди, какие учителя живут в нашем городе! Теперь можно не волноваться за будущее молодое поколение. Оно в надёжных руках. Ну, а нам с вами пора прощаться. Напоминаю, что у нас в гостях была Анна Леонтьевна Любович. Мы желаем ей дальнейших творческих и профессиональных успехов и, конечно, благодарных, талантливых учеников. До скорых встреч, друзья.

Изображение ведущего и Ани сменилось яркой заставкой.

– Па-ап!

Лёха вздрогнул, поднял голову.

– Па-ап, домашку сможешь сделать, а? – перед ним с протянутой тетрадью выросла дочь Маша, умоляюще глядя на него большими зелёными глазами.

– Да, да, конечно! – он встал со стула.

Но Жанка заорала на дочь:

– Ты чё припёрлась? Оценку на двоих делить будете? Иди, иди в свою комнату и не мешай!

– Ну, ма-ам! – Маша обиженно заморгала. – Вы же всё выключили уже.

– Иди, я сказала! Вся в отца. Ничего сама сделать не может.

Машка развернулась и, грустно опустив плечи, поплелась к себе. Внешне она походила на Жанку, а характером в него пошла, в Лёху.

Странное сейчас у Жанки лицо. Такой Лёха её ещё не видел.

Он погладил её по плечу.

– Успокойся.

«Что прошло, то прошло, – думал он, – упущенного не воротишь».

Помрачнел было. Но в памяти тонким лучиком вновь всплыло Анькино лицо с кроткой улыбкой, и он тоже улыбнулся, облегчённо вздохнул.

Екатерина Кондакова

Родилась в 1987 году в Ярославле. Окончила ЯрГУ им. П. Г. Демидова, учитель. Публиковалась в сборниках «Серебряная даль», «Логорифмы», «Средоточие», «Очертание», «Хрупкий человек», «Важно – быть услышанным», «Casus Extraordinarius».

Кикиторка

– Алёнка!

Я открываю глаза и вижу склонившуюся надо мной молодую женщину, миловидную, круглолицую, коротко остриженную. Она явно знает меня и заметно беспокоится из-за случившегося.

Остаётся только понять, что на этот раз, и сориентироваться. А для этого мне нужно время. Я жалобно стону. Такое притворство удавалось мне всегда. Женщина купилась.

– Алёнка, что болит? Скажи? Телефон где? Давай позвоним твоим родителям...

Телефон? Я подношу руку ко лбу, изображая, что мне дурно.

– У неё в сумке лежит, я принесу, – раздаётся сбоку звонкий голос.

Я не поворачиваюсь посмотреть, кто там. И так понятно, что какая-нибудь подружка. Моя.

– Вот, – мне кладут в руки что-то плоское и холодное.

Я снова открываю глаза, теперь рядом со мной ещё и девочка лет двенадцати. Куртка на ней нестерпимо

блестит на солнце. Я снова закрываю глаза и расслабляю пальцы, роняя вложенный предмет.

Слушаю, как девочка всхлипывает.

– Надя, позвони ты её родителям, – распоряжается женщина и вздыхает, – что ж вас на дорогу понесло...

Я лежу на холодной твёрдой земле и слушаю, что творится вокруг меня. Девочка Надя плачет, женщина разговаривает с кем-то и просит поторопиться. Вскоре появляются ещё люди, аккуратно укладывают меня на носилки и куда-то везут. Я слушаю, принохиваюсь, обдумываю, что вокруг. В больнице доктор встречает женщину, которую называет моей мамой, рассказывает ей, как повезло, что на девочке, то есть на мне, ни царапины, ну, а сотрясение мозга лечится. Мама кричит: «Почему она меня не узнаёт?!»

Доктор успокаивает маму, рассказывает ей, что это может быть шок, стресс и ещё называет множество причин. Она плачет.

Мама забирает меня домой. Доктор прописал постельный режим, запретил телефон и какие-либо игры. Какие – надо бы переспросить, но не настолько же у меня отшибло память.

Я стараюсь выздороветь медленно. А сама пока наблюдаю за родителями. И повторяю, как они пользуются разными домашними устройствами. Если у меня что-то не получается, я говорю, что просто ещё не вспомнила. Мама каждый раз начинает плакать. Отец сквозь зубы цедит, что доигралась и стала

инвалидкой, и что и до этого была дурная, если играла в салочки на окружной.

Постепенно я привыкаю ко всему. Хорошо, что Надя часто приходит. Она считает, что виновата, что со мной такое случилось. Надя объясняет мне, как пользоваться телефоном, рассказывает, что происходит в школе и про мою любимую корейскую группу.

Самое ценное, что сделала Надя – показала мне значок браузера. Теперь можно не задавать глупых вопросов людям. Можно спросить Интернет.

Вообще-то родители запретили мне пользоваться телефоном. Но они ночью спят. А я могу отоспаться днём, пока они на работе. У меня всё ещё больничный. Поэтому ночью я ищу всё, что должна знать шестиклассница.

Отец вечерами орёт, что я сбила режим и теперь вообще скачусь в учёбе на двойки. И меня оставят на второй год. Я заглядываю в свой дневник и понимаю, что можно не нервничать. Дневник и раньше был исписан замечаниями. А пятёрки стояли разве что по музыке.

А вот то, что у меня изменился почерк – проблема. Дневник заполнен корявыми каракулями. Я начинаю переписывать расписание на следующую неделю и понимаю, что никто не поверит, что это Алёнка заполняла дневник. Старательно вымарываю лишний твёрдый знак.

Накануне моего возвращения в школу мне пишет Надя, договариваемся встретиться перед уроками

ми. Вообще-то я уже посмотрела дорогу по картам, но с подружкой мне не придётся озираться по сторонам. Если ходишь в одну и ту же школу уже шестой год, дорогу забыть вряд ли получится.

После первых трех уроков я понимаю, что мои одноклассники не блещут умственными способностями. После ещё двух – окончательно в этом убеждаюсь. Кажется, они могут только орать и играть в тупые игрушки. Надо делать вид, что я такая же.

На шестом уроке Никита утаскивает мой дневник и залезает с ним под парту. Учительница долго на него орёт, потом забирает дневник и пишет замечание. Не глядя. Это мой дневник. Я не пытаюсь ей что-то объяснять, всё равно меня здесь слушать никто не станет. После урока догоняю Никиту в раздевалке, отбираю у него мой дневник и пару раз стукаю им Никиту по голове.

— Это ты так головой ударилась, что совсем страх потеряла?

— Ага, я поняла, что ты не страшнее мусоровоза!

И вот тут он смотрит на меня с уважением. Я ж ему только-только по плечо. И шея у меня не толще его запястья.

Так и получилось, что домой меня идут провожать Надя и Никита. По дороге два раза подрались. Потом Никита покупает чипсы, мармеладных червячков и газировки, и мы едим эту вредную еду, сидя на бетонных плитах за гаражами.

А потом Никита зовёт нас с Надей ходить с ним на кружок в субботу. Надя говорит, что ей и так хва-

тает биологички на уроках, а я соглашаюсь. Если Никита будет провожать меня одну после кружка, то все вкусные штуки достанутся мне. А Надя всё-таки дура.

Вечером мама ругается, что я связалась с Никитой, а папа хвалит, что записалась на кружок, и насмеяется, что не зря прошло сотрясение мозга — глядишь, соображалка на место и встанет.

В субботу на кружке оказывается и в самом деле весело. Биологичка говорит: «Минус ещё одна герань», — и показывает, как делать препараты. Хорошо, что Никита мне помогает, я бы сама ни в жизнь не справилась. А Надя точно дура, что не пошла.

Мне нравится общаться с Никитой. Наша классная теперь каждую неделю звонит моей матери и рассказывает, что мы натворили. Мама орёт на меня. Папа над ней смеётся, потому что у меня к невыносимому поведению прилагаются хорошие отметки. Это Никита меня ещё и списывать учит.

Надя злится, что я теперь мало с ней общаюсь, и пытается дразнить меня. Приходится вытряхнуть её косметичку в мусорку, потому что легче поругаться, чем терпеть её.

Больше времени останется для Никиты. Я чуть не попадаюсь, когда он начинает спрашивать про мультики. А я ж ничего не знаю. Я ничего не смотрела. Я вру, что мне ничего не нравится и что мне в детстве не разрешали много смотреть телевизор. Тогда Никита говорит, что у меня не было детства и это надо исправить. И я хожу к нему смотреть мультики. Никитина

бабушка пытается нас накормить каждый раз. А я не замечаю, что на тарелке, потому что вливаюсь глазами в экран и не могу оторваться. «Король лев», «Русалочка», «Мулан», «Три богатыря», «Ледниковый период»... Никита смеётся, что меня гипнотизируют мультики. Но после того, как я рисую Налу, он просит нарисовать ему Тимона и Пумбу. Рисую я хорошо... Никита удивляется, почему я раньше на изо калякала что-то уродское. Я оправдываюсь, что на изо дурацкие темы.

Мы смотрим «Анастасию» и я чуть не давлюсь бабушкиной фирменной котлетой.

– Почему шестнадцатый год?!

– А что?

– Трёхсотлетие дома Романовых отмечали в тысяча девятьсот тринадцатом!

– Ну это же мультик, – смеётся Никита.

Я смотрю внимательно, стараясь не подавиться снова. Мне хочется орать, что всё было по-другому, но не хочу пугать Никиту.

Перед весенними каникулами нам объявляют про карантин. На кружке биологичка рассказывает про то, как изучают эпидемии, что такое моделирование, что компьютерные игры – тоже модели, и что есть игра «Plague Inc.». Никита тут же скачивает игру. Ему нравится раз за разом уничтожать человечество. Я заглядываю ему через плечо, и пока он щелкает пузырьки с очками, читаю новости игровой Земли.

Оказывается, что карантин не только в школе. Родители теперь тоже всё время дома. Мама посто-

янно плачет, папа орёт на неё. Я прячусь в своей комнате. Я скучаю по Никите, потому что одной даже мультики смотреть не интересно. Никита пишет, что установил новый рекорд в игре. Папа в соседней комнате орёт, что убьёт маму, если она не перестанет скулить.

Я дожидаюсь выходных, когда родители уезжают на дачу. Вру, что болит живот, чтоб не ехать с ними.

Смотрю из окна, как они грузят сумки в машину, садятся и уезжают. У меня есть несколько часов.

Я выгребая мамины коробочки и косметику из старого трюмо, мне надо его пододвинуть немного, одной тяжело, я кое-как справляюсь, потом сижу на полу и стараюсь не думать, что если ничего не получится, то обратно эту штуку мне уже не вернуть. Закрываю форточки, плотно зашториваю окна. Хорошо, что на телефоне есть фонарик: подсвечиваю себе, роюсь в шкафах на кухне. Когда родители вернуться, они решат, что дом посетили сумасшедшие грабители – всё вверх дном, а из ценного только дочка пропала. Свечи нахожу на верхней полке.

Второе зеркало беру своё настольное. Ставлю его на стул напротив трюмо. Чтоб получилось нужное мне отражение – подкладываю несколько учебников. Хоть для чего-тогодились.

Ставлю свечи так, чтоб получился коридор из отражений.

Способ испытанный. Спасибо родной бабке. Я так уже пару раз удачно сбежала. В 1812. И в 1914. И сейчас

сбегу. Бабка меня любила и наказывала беречь себя.
И уходить, как только почую опасность.

Я хорошо умею разыгрывать потерю памяти.
И уже дважды убедилась, что в будущем люди становятся только доверчивей и добрее.

Я всматриваюсь в коридор из свечей и отражений,
встаю и иду не оглядываясь вперёд.

Татьяна Долган

Родилась в 1968 году в Ярославле. Окончила Ярославское художественное училище. Преподаёт в Гаврилов-Ямской детской школе искусств. Рассказы публиковались в журнале «Соты», в сборниках «Лестница в небо», «Casus Extraordinarius».

Не наше дело

Вера сидела на диване, поджав под себя ноги, и читала книгу. Вадим, как обычно вечерами, играл за компьютером. Временами он вскрикивал «Да, ты ж посмотри!» и шлёпал с досады широкой ладонью по столу. «Как мальчишка», – думала в такие моменты Вера, укоризненно качая головой. Широкая спина мужа покачивалась в такт движениям, бугрилась мышцами под белой майкой, мощная шея напрягалась. Вера вздохнула и возвращалась к книге. В приоткрытое окно задувал тёплый, летний ветерок.

– Ай! Не трогайте меня! – донеслось с улицы.

– Вер! Закрой окно! – не отрываясь от игры бросил Вадим. – Задолбала эта молодёжь. Каждый вечер орут.

Вера нехотя встала, прикрыла окно. Сразу стало душно. Постояла в раздумье, тербя занавеску, и вышла на балкон.

Сумерки сгущались. На небе появились первые робкие звёздочки. Лёгкий бриз приятно охладил лицо.

– А! А! Помогите! Кто-нибудь! Помогите! – услышала Вера надрывный детский голос. Затем последовал пронзительный визг.

Она тщетно вглядывалась в темноту улицы: ряды ларьков слабо белели, кусты боярышника на их фоне казались чёрными кляксами.

– А! Не надо! – визжал голос.

– Эй! – крикнула Вера в темноту. – Если не перестанете хулиганить, позвоню в полицию!

Голос стих. Вера напряжённо вглядывалась вниз. Сердце отчего-то сжалось. «Хорошо, что Алинка в лагере», – подумалось вскользь.

– А! Неет! – снова выкрикнули из темноты.

Вера метнулась в комнату.

– Вадим! Там ребёнок кричит. Просит о помощи. Может, спустишься, помотришь?

Вадим раздражённо дёрнул шеей. Обернулся.

– Ну, чего ещё выдумала? Дураки балуются, а ты всерьёз. Отстань. Не мешай.

Вера снова бросилась на балкон. Всмотривалась, вслушивалась в темноту.

– А! Помогите! – верещал голос, перерастая в визг.

Вера не выдержала, достала из кармана халата мобильник, набрала полицию.

– Алло!

– Дежурный слушает. Что у вас случилось?

– Здравствуйте! Понимаете, – сбивчиво начала Вера и прерывисто вздохнула, – понимаете, у нас во дворе, в сквере, кто-то зовёт на помощь. А я одна

боюсь спуститься, не знаю, что делать. С балкона ничего не видно.

Голос дежурного посерьёзnel:

– Адрес.

Вера продиктовала адрес и свою фамилию.

– Выезжаем.

Теперь Вера с ещё большим беспокойством вглядывалась в темноту сквера, ходила вдоль перил балкона, сжимая до боли пальцы.

Милицейская машина приехала быстро. Остановилась возле ларьков. Из машины выскочили двое полицейских и побежали в сквер.

Вера вернулась в комнату.

– Вадим, – тихо позвала мужа, – я вызвала полицию. Приехали. Сейчас, наверное, к нам придут.

Вадим резко развернулся на крутящемся стуле.

– Что?! Ты в своём уме? На хрена? Ты что, и адрес назвала?

Вера пожалала худенькими плечами:

– Они спросили. Я сказала.

– Ну и дура! Просто идиотка! – Вадим с силой потёр уши. Вера знала, он всегда так делал, когда злился. Лицо побагровело. Под кожей заходили желваки.

– Вот скажи мне, на кой ляд тебе чужие проблемы? – Вадим уперся руками в колени.

– А может, там и правда нужна помощь, – тихо ответила Вера, опустив голову.

– Безмозглая идиотка! – Вадим выразительно постучал по голове. – Не хватало нам ещё полиции

в квартире! Зачем? Зачем ты лезешь не в своё дело? Ну, орёт там кто-то. И пусть орёт. Это не наше дело!

Вера вскинула голову:

– А если бы это была твоя дочь? Там, в сквере?

– Моя дочь по ночам не шляется. Она в лагере. А ты теперь сама расхлёбывай кашу с полицией. Вот влепят тебе штраф за ложный вызов, и впредь будешь умнее!

Вера хотела было возразить, но резкий звонок в дверь заставил её поспешить в прихожую. Вадим поспешно щёлкнул мышкой, закрыл комп и скрылся в детской.

Вера долго возилась с замком. Дрожащие руки не слушались. Наконец, дверь поддалась.

На пороге стоял невысокий, полный человек в форме полиции. Баском спросил:

– Добрый вечер! Дежурный полицейский Смирнов. Вера Дмитриевна Петрова? От Вас поступил сигнал, Вы звонили?

Вера кивнула, отступила назад, приглашая войти. Повела на кухню. Включила свет.

– Вы присаживайтесь, – пригласила Вера, пододвигая полицейскому табурет.

Тот кивнул.

– Да, да. Спасибо. Вы тоже присаживайтесь. Нужно написать заявление. Формальность.

Полицейский снял фуражку, провел ладонью по коротким, рыжеватым волосам. Достал из сумки бланки, ручку и принялся писать, уточняя подробности.

– В котором часу Вы вышли на балкон? Как долго слышали крики?

Вера отвечала, волнуясь и сбивая саму себя.

— Вы знаете, — доверительно говорила она, — у нас нет ни одного фонаря. Такой глухой район. Молодёжь вечерами собирается, поют, кричат. Ну, я вначале так и думала, что это подростки балуются. Так что точно даже не могу сказать, когда начали кричать...

Полицейский нахмурился, сжал губы в нитку, дописал ещё что-то острым, неясным почерком.

— Ознакомьтесь. Распишитесь там, где галочка.

Вера пробежала глазами исписанный лист и расписалась.

Полицейский поднялся с табурета, расправил форму, надел фуражку. Вера изумлённо посмотрела на него, подумала: «И это всё?». Тот, не торопясь, направился в прихожую.

— Скажите, — остановила она полицейского в дверях. — А там, сквере... Там всё в порядке? Ничего серьёзного не случилось?

Полицейский коротко глянул на Веру из-под белёсых бровей. Широкое лицо порозовело.

— Да в том-то и беда, что случилось. Девочку нашли в кустах. Лет одиннадцати-двенадцати. Светленькая, тоненькая.

Веру вдруг охватил озноб. Она обняла себя за плечи, чтобы унять его.

— Жива? — едва слышно спросила.

— Жива. Напугана только сильно. Одежда порвана, а так жива. Дрожит, плачет.

— Господи... — Вера прислонилась к стене.

– Так что, Вера Дмитриевна, благодарю за звонок. Так сказать, за равнодушие. Побольше бы таких сознательных, как Вы. Вон какой дом огромный, многоквартирный и ни один человек не позвонил. А слышали, я думаю, все.

– Подождите, – Вера оторвалась от стены. – А тех... Ну, преступников поймали?

– Пока нет. Как мы поняли, насильник был один. По приметам азиат. Мы его давно ищем. Обычно он свои жертвы убивает. А Вы ему помешали. Он скрылся. Но далеко уйти не мог. На этот раз найдём! Оперативно сработали.

– Да, вы быстро приехали.

– До свидания. Если возникнет необходимость, мы Вас снова потревожим.

– Да. Да, конечно, – Вера тронула полицейского за рукав. – А как же девочка?

Полицейский вздохнул:

– Там напарник с ней разбирается. Вызвали скорую. Придёт в себя, найдём родителей. Главное – жива, – и, повернувшись к выходу, добавил, – всего доброго!

– Да, да. Главное – жива.

Полицейский уже спускался по лестнице, а Вера всё стояла и смотрела широко открытыми глазами в темноту коридора.

Вадим выглянул из комнаты:

– Ушли?

Вера молчала.

– Ты чего там стоишь-то? Иди домой! – позвал Вадим. Он прошёл на кухню и хлопнул холодильником.

Вера растерянно оглянулась, вошла, машинально закрыла дверь на замок. Крупная дрожь била, не унималась. На ощупь стянула с вешалки куртку, накинула на плечи.

Вадим крикнул из кухни:

– Ну, чего там? Штраф не вlepили тебе за ложный вызов?

Вера повернула голову в сторону кухни, промолчала. Нашупала в кармане мобильный, поднесла к глазам. Пролистала вызовы. Алина звонила в понедельник. Сегодня среда. По уговору день отца. Крикнула:

– Вадим! Тебе Алина сегодня звонила? Сегодня среда.

Муж вышел из кухни, и, похрустывая огурцом, ответил:

– Блин. Забыл! Мобила на беззвучном. Как на работе отключил, так и не смотрел. А чё случилось-то?

Вера стояла, чуть покачиваясь, глядя перед собой, тщетно пытаясь завернуться в сползающую куртку.

– Там... Девочку... Господи! – Вера зарыдала. Куртка сползла и упала на пол.

Вадим обеспокоенно посмотрел на жену, подошёл, взял за плечи, встряхнул:

– Ну, ты чего, Вер! Ну чего ты?

Вера сверкнула влажными от слёз глазами:

– А если это она? Вадим! Если это наша Алина? – Всхлипнула, – двенадцать лет, светленькая, всё сходится.

Вадим притянул Веру к себе, обнял:

– Ну, чего ты, дурочка! Алинка в лагере. Не придумывай.

Вера замотала головой, уткнулась в грудь мужа. Глухо зарыдала. Вдруг вскинула лицо, гневно крикнула, стукнув его острым кулачком в грудь:

– Как?! Как ты мог забыть про дочь? Сегодня среда!

Вадим растерянно топтался, поглаживая худенькие, острые лопатки жены.

– Ну, погоди. Погоди. Я сейчас поищу мобилу.

Он отнял руки, прошел в комнату, пошарил по столу.

– Вот. Смотри! Два пропущенных от Алинки. И смс.

Вера подбежала к мужу, выхватила мобильный. Открыла сообщение, прочитала:

«Пап! Я больше здесь не могу. Хочу домой. Если не заберёшь, сбегу». Отправлено в восемнадцать ноль пять.

По лицу Веры пробежала тень. В голове вмиг пронеслось: «Алинка сбежала из лагеря и шла домой, но не дошла». Рука безвольно повисла. Мобильник со стуком упал на пол.

– Это она... она, – прошептала побелевшими губами Вера. Сознание покинуло её.

Очнулась она на диване. Рядом сидела пожилая женщина в белом халате со шприцем в руке.

«Медсестра. Скорую вызвал», — догадалась Вера и слабо шевельнулась.

— Ну, вот и очнулась. Я же говорила, всё будет хорошо, — закрывая чемоданчик, проговорила медсестра.

Вадим неловко пристроился боком на краю дивана. Он виновато улыбался, глядя на Веру.

Вера остановила на нём взгляд и прошептала:

— Позвони Алине.

— Хорошо, хорошо, Верочка! Ты только не волнуйся! — успокаивающе ответил муж.

— Сейчас позвони! — потребовала Вера.

— Ночь же уже. Все спят. Давай утром? — заискивающе бормотал он.

Вера приподнялась на локте. Светлая прядь волос сползла на щеку, глаза темнели на бледном лице:

— Звони!

Медсестра приостановилась, оглянулась на Вадима.

— Лучше не волновать её сейчас. Сделайте, что просит. А меня выпустите, пожалуйста, из квартиры.

Вадим проводил медсестру, закрыл за ней дверь, вошёл в комнату. Вера не спускала с него горящих глаз. Он вздохнул, вытащил мобильный из кармана, набрал номер Алины. Долгие гудки слышались в трубке. Вадим развел руками:

— Ну, видишь! Ночь. Спят они.

Вера с трудом села на диване. Голова кружилась. Она пошарила в своём кармане, нащупала телефон, вынула. Набрала дочь. Долго слушала протяжные гудки. Наконец, трубку взяли.

– Алло! – услышала Вера сонный голос Алинки. – Мам! Ну, ты чего звонишь? Ночь же.

– Алиночка! У тебя всё в порядке? Папа не смог сегодня позвонить.

– Всё хорошо.

– Папа тебя завтра заберёт. Только не сбегай, слышишь?

– Ой, как завтра? Не надо завтра. У меня уже всё хорошо. Это мы с Машкой поссорились, а теперь помирились. Мам, тут классно! – шептала Алинка в трубку. – В пятницу позвоню.

– Хорошо. Целую. Отдыхай.

– Пока!

Вера устало откинулась на спинку дивана, прикрыла глаза. Не Алина. Слава Богу, не она. А если бы она?

Он не любит чай

Лида, не торопясь, расставляла сервизные чашки в кухонный шкафчик. Апрельское солнце заглядывало в окно и золотило пушистые волосы девушки. Раздался мелодичный звонок в дверь. Лида поспешила открыть. На пороге стоял высокий худощавый молодой человек в чёрной кожаной куртке и чёрных брюках.

– Салют! – произнес он, чуть картавя. – Пустишь странника?

Лида отступила:

– Привет. Ну... проходи!

Он прошёл не разуваясь в комнату, уселся на крутящийся круглый табурет и огляделся:

– Так это и есть та самая квартира?

Лида кивнула. Она стояла, опираясь на подоконник, и молча разглядывала гостя. А он всё крутился на стуле и приговаривал:

– Ничего так, приличная хата! Правда, я не люблю студии, но эта годится! И кухня хорошая.

– Мне тоже нравится, – с лёгкой усмешкой ответила девушка.

– А ты изменилась за то время, пока мы не виделись, – сказал парень. – Поправилась что-ли? Волосы отрастила, вроде?

Лида кивнула и поправила лёгкие, чуть выющиеся светлые волосы, одёрнула толстовку.

Это было полгода назад, в холодный октябрьский вечер. Они сидели, обнявшись на лестнице в подъезде и говорили.

– Надоело жаться по подъездам, начинаются холода, – картавил он, – придётся хату снимать.

– Я как раз тебе хотела сказать, – отвечала она, доверчиво прижимаясь к нему, – родители обещают подарить квартиру.

Он присвистнул:

– Да ладно? Серьёзно?

– Да. И мы сможем пожениться и жить как все нормальные люди.

– Пожениться? – он презрительно ухмыльнулся. – Ну, уж нет! Зачем жениться-то? Квартира – это хорошо, но жениться – это пошло.

– Почему? – удивлённо хлопая светлыми ресницами, спросила Лида.

– Понимаешь, Лидок, – он нервно дёрнул плечом, – все эти условности в виде брака меня не занимают. Это удел обывателей. Можно жить и так, без этой банальщины.

– Я так не могу... И не хочу, – Лида опустила голову.

– Это просто каприз. Блажь, – отодвигаясь от неё, почти прокричал он.

– Нет. Не каприз. Я так просто без брака не согласна. Ты же знаешь... – тихо ответила она.

– А, слышал я этот бред! Вера не позволяет! Ерундистика это всё! – кипятился он, нервно застёгивая куртку.

– Для меня не ерунда... – возразила она тогда.

– Я на такие глупости обывательские никогда не соглашусь! – возражал он.

– Даже ради меня? – удивлённо взглянув в его тёмные глаза, спросила она.

– Да ради кого угодно! Это же глупость! Условность, которую придумали тупые люди, понимаешь?

– Ну, так если это условность, то тебе ничего не стоит просто её сделать, – с надеждой в голосе произнесла тогда Лида.

Он поёжился и вдруг произнёс:

– Холодно что-то стало. Давай – пока, что ли?

– Пока... – удивлённо ответила Лида, поднимаясь со ступенек.

Он ушёл, независимо засунув руки в карманы, не оглядываясь.

После этого разговора он не появился. Не звонил, не писал СМС. Исчез на полгода. И вот, объявился так неожиданно сегодня.

– Я ведь тебя едва отыскал. К твоим предкам не пошёл. Решил спросить у подруг. Светка дала этот адрес. Ты давно переехала?

– Четыре месяца назад, – ответила Лида.

Она с интересом разглядывала его – темноволосого, с острыми высокими скулами, жидкой острой бородкой, острым тонким носом и тёмными, глубоко посаженными глазами. Он не изменился совсем.

Белая пушистая кошка потянулась на кровати, мягко спрыгнула на пол, настороженно посмотрела на незнакомого человека, ловко запрыгнула на подоконник и прижалась к Лиде.

– О! Какие дела! У тебя даже кошка есть? – насмешливо скривив губы, проговорил гость.

– Есть, – улыбнулась девушка, – Пушиной зовут.

– Я вернулся к тебе, Лидок! Ты рада?

Лида молча пожала плечами.

– Дуешься ещё что ли?

Лида молчала, опустив голову.

– Да ладно тебе, столько времени прошло! Давай отпразднуем моё возвращение, – нарочито-радостно

произнёс он, доставая из внутреннего кармана куртки плоскую бутылку коньяка.

– Я не пью, – вздохнула Лида.

– Да ладно тебе! Доставай рюмки!

Входная дверь хлопнула. Из прихожки донёлся мужской голос:

– Лида! Я дома!

Гость с напряжённым недоумением повернулся на голос. В комнату вошёл молодой, светловолосый человек в очках. Лицо его приветливо сияло.

– У нас гости? – спросил он, мягко улыбаясь.

Он тихонько коснулся губами Лидиной макушки и протянул ей тортик.

– Да. Знакомься, это Влад – мой очень старый знакомый, – ответила смущенная Лида.

Молодой человек протянул Владу руку для приветствия:

– Очень приятно. Павел, Лидин муж.

– Муж? – тёмная бровь Влада изумлённо приподнялась, рука заметно дрогнула.

– Да, вот уже месяц, как муж! Разве Лидочка не сказала?

– Не успела, – ответила Лида, отвернувшись к столу.

– Так что Вы, Влад, очень вовремя. У нас сегодня маленький юбилей – ровно месяц, как мы поженились. Сейчас будем пить чай с тортом, – дружелюбно проговорил Павел, и тут же, обернувшись к жене, добавил:

– Ставь чайник, Лида, я пойду, умоюсь и переоденусь после работы.

Он вышел в ванную комнату, щёлкнула задвижка, зашумела вода.

Влад стоял и шумно дышал. Слова выходили из него с шипением:

– Вот так значит? Значит муж? Ну, ты и...

Он не договорил, резко развернулся на пятках и выскочил из квартиры, хлопнув дверью.

Паша вышел из ванной в домашней одежде, свежо пахнувший мылом и водой. Огляделся и удивленно спросил:

– Лида, а где же наш гость?

– Ушёл.

– А как же чай?

– Он не любит чай!

Океан

На станции Макаров их никто не встретил. Таня огляделась. Старый, с облупившейся побелкой вокзальчик под горой был совершенно безлюден. За линией узкоколейки и до горизонта стояло грязно-серое море. Василий мотнул головой в его сторону:

– Вот он, океан. Смотри.

Таня разочарованно посмотрела на серое небо, на воду. Океан снился ей каждую ночь, большой, ласковый, с прозрачной, изумрудной водой.

– Океан? Такой...

– Увы.

Они постояли.

– Ладно, Тань, надо идти.

Хмурое небо низко нависло над головами, водяная пыль сыпалась из него, мелкая, противная. Дорога пролегла по зелёным сопкам, вершины которых тонули в клочьях серого тумана. Василий достал из рюкзака курточку, протянул Тане.

– На, накинь.

Таня надела куртку, подхватила сумку и зашагала за мужем по усеянной мелкой щепой и угольной крошкой дороге. Станным было то, что их никто не встретил, несмотря на отправленную Таней телеграмму.

– Ничего, сами дойдём, адрес знаем, – подбодрил Василий.

Дорога поднималась в гору, вела в тёмные, высокие заросли гигантского лопуха. Жёлтые цветы по краям дороги вспыхивали в сером тумане, как фонарики. Неожиданно открылась поляна, заросшая папоротниками, из которых торчали зубья вертикальных камней, испещрённых чёткими иероглифами. Таня поёжилась.

– Мрачное место.

– Да, – согласился Василий. – Неуютно.

Василий остановился, достал из кармана платок, протёр очки.

– Противный бус. Залепил стёкла. Ничего не вижу.

Водяная пыль покрыла не только очки Василия, но и лицо, и бороду. Он весь блестел.

Таня вздохнула.

— Я тоже вся в водяных бусинках?

Василий устало взглянул на неё.

— Да. Волосы уже мокрые. Ладно. Дойдём до школы, обсохнем.

Они двинулись дальше. Дорога поползла вниз, петляя. И вдруг совершенно неожиданно из тумана показался силуэт пятиэтажки. За ним — другой. Дома, как призраки, появлялись из тумана и исчезали. Ни одного прохожего не встретилось им по пути. Зашли в первый же магазин. Длинное, унылое помещение с рядами полок. Скучная продавщица сидела на кассе, читала. Она даже не посмотрела в их сторону.

— Девушка, нам пять банок горбуши в томате, — обратился к ней Василий.

Продавщица нехотя оторвалась от книжки, ни слова не говоря, достала с полки консервы. Рассчитываясь, Василий спросил:

— Вы не подскажете, до музыкальной школы далеко?

Продавщица подняла удивлённое, сонное лицо.

— До музыкалки-то? Да тут всё недалеко. Квартал пройдёте, выйдете на площадь и увидите здание с колоннами. Она и есть. А вы приезжие?

— Да. Из Ярославля.

— Ого, как вас занесло! — продавщица явно оживилась. — Вы к нам в гости или работать?

— Это уж как получится. Хотелось бы, конечно, остаться работать. Приглашали, ждут. Только вот встретить забыли.

До школы добрались действительно быстро. Нашли сразу. В просторном фойе никого не было.

– Теперь ещё найти бы кого-нибудь, – озабоченно сказала Таня.

– Найдём! – ответил Василий, снимая рюкзак. Он решительно направился вверх по лестнице. Таня потянулась за ним. Их шаги разбудили тишину школы.

Крупный, пожилой человек в сером костюме вышел им навстречу. Он радушно раскрыл руки, словно хотел обнять, и проговорил неожиданно высоким, почти женским голосом:

– Приехали? Ну и отлично! Сейчас осмотрим школу, а потом пойдём ко мне домой пить чай.

– Хорошо бы посушиться, а то мы насквозь промокли, – сказал Василий, поставив рюкзак возле ног.

– Вот и обсохнете, – бодро сказал мужчина, – меня Владимиром Ивановичем зовут, я директор. Жилья для вас пока нет. Но это поправимо. Вам нужно будет завтра дойти до отдела культуры, они обещали помочь. Возможно, на первое время дадут общежитие.

– Общежитие? – оторопела Таня, – но нам обещали квартиру вообще-то.

Директор развёл руками.

– Пока её нет.

Потом он ещё что-то говорил и уверенно водил их по школе, показывая кабинеты. Таня машинально оглядывала небольшие светлые классы.

– А где мы будем заниматься? – спросил Василий.

Директор отвёл светлые, прищуренные глаза, торопливо ответил, что и этот вопрос они ещё не решили, но непременно решат. Закончив экскурсию по школе, он повёл гостей домой. Жена директора – худощавая, пожилая дама – встретила гостей радушно и сразу усадила за стол.

– Владимир, ты будешь с нами обедать?

– Нет, Машенька, я побегу, там штукатуры обещались. Но я взял пирожки. Ты уж тут сама, сама. Я на тебя надеюсь.

Он поцеловал жену и ушёл. Она вернулась к гостям, присела к столу, высоко держа седую голову на длинной шее. Представилась:

– Мария Станиславовна, – и стала потчевать гостей. – Пробуйте рыбу. Это солёная горбуша, а это жареная кета. Вот тут, в тарелочке, солёный папоротник, а вот это морская капуста, вот пирожки с рыбой. Всё здешнее, наше.

Таня с Василием переглянулись и приступили к обеду. Мария Станиславовна сама не ела. Только пила чай с пирожками. Ярко накрашенные губы её улыбались, морщинки двигались, когда она говорила. Поев, гости немного осовели. Сказывалась разность часовых поясов, хотелось спать. Временами Тане казалось, что она задрёмывает, голос Марии Станиславовны уплывал, слышался будто сквозь воду. «Что, бишь, она говорит?» Таня напрягла внимание.

– Вы всерьёз собираетесь здесь поселиться, молодые люди? И надолго?

Василий пожал плечами.

— Как выйдет. Пока не знаем. Мы хотим открыть у вас в школе своё отделение. Но пока ничего не понятно ни с жильём, ни с помещением.

Мария Станиславовна качнула седой головой.

— Понимаю, понимаю... Романтика. Сопки, океан. Да...

Она вдруг замолчала, вытянула кисти рук и положила их на стол.

— Я прожила в этом городе двадцать лет. Посмотрите, посмотрите, Танюша, во что превратились мои руки. Как скрючилось мои, некогда красивые, длинные пальцы! А эти безобразные шишки на суставах... А ведь я пианист!

Таня с сочувствием посмотрела на руки Марии Станиславовны.

— Вы видели японское кладбище? Видели эту плесень, которая покрывает камни-надгробия? А океан видели? Конечно видели! Не могли не видеть, ведь вы приехали на поезде, — она вздохнула, показала рукой в сторону окна. — Люди сумели испортить даже океан. Построили ЦБК... Сходите, не поленитесь, подойдите к нему поближе. И вы увидите на берегу тонны полусгнивших опилок. А как он воняет, этот ЦБК! Мой вам совет, ребята: бегите отсюда! Бегите, пока не втянулись, как мы. Даже если вам будут обещать золотые горы, бегите!

Таня замерла. Она осторожно посмотрела на мужа. Тот многозначительно посмотрел на неё.

Поблагодарив хозяйку и оставив вещи, вышли на улицу. Под ногами хрустела угольная крошка. Водяная пыль так и сеялась с серого неба. Пахло чем-то тошнотворно-сладким. Они молча шли к океану. На лысом пятачке сопки стояло уродливое трехэтажное здание с огромной дымящей трубой. Ржавый мост, перекинутый через речку, вёл на другой берег. Не сговариваясь, пошли по мосту. Мутноватая речка текла в океан. Пошли вдоль неё. Шагали по чему-то красноватому и мягкому, ноги ружинили.

– Это щепка, Вася! Почему так много?

Василий показал на трубу.

– Производство, требует много древесины. Отходы выбрасывают. Вот они и гниют, попадают в океан.

– Ужасно...

Дошли до берега. Океан лениво плескал в берег густой красновато-бурой пеной. На берегу оставались волнистые, красные следы. Ни камней, ни песка, вместо них – мелкая труха древесины. Татьяна тщательно вытирала платком испачканную руку.

– Мы ведь не останемся здесь?

Василий смотрел вдаль. Вид у него был очень усталый и печальный. Он промолчал.

До вечера бродили по сопкам. Вернулись мокрые и уставшие. Ночевать их определили в пустовавшей комнате общежития. Директор пояснил, что баянист уехал в отпуск на материк и комната пока пустует. Комната действительно пустовала. В углу стоял стол и стул, а ровно посередине – разложенный диван.

На столе — электрический чайник. Больше ничего не было.

— Аскетично живёт ваш баянист, — заметил Василий.

Директор развёл руками. Простились до утра. Ночью Таня лежала с открытыми глазами и молча плакала. Василий тоже не спал, вздыхал, ворочался.

Утром, не сговариваясь, не глядя друг на друга, сложили вещи в рюкзак. Попили чай с сушками. Закрыли комнату. Забежали к Марии Станиславовне, отдали ключи.

— Мы решили последовать вашему совету, — пояснил Василий.

— Ну и правильно, правильно! — закивала она в ответ. — Ключи я передам. Счастливого пути!

Дошли привычной уже дорогой через японское кладбище к вокзалу. Купили билет в сидячий вагон. До поезда оставалось полчаса. Василий остался сидеть на лавочке возле вокзала. А Таня пошла через рельсы к океану. К океану, о котором когда-то мечтала. Был отлив. Океан обнажил серое дно: камни, длинные листы морской капусты, обрывки пакетов, ветоши. Красноватые следы древесной трухи казались мертвыми змеями, распластанными безвольно на берегу. Таня нагнулась и подняла клешню краба. Вздохнула. Бросила.

— Прощай, океан! Теперь я знаю, какой ты...

Океан вздохнул и отполз ещё дальше. Через полчаса они уехали.

Светлана Носова

Родилась в 1971 году в городе Гаврилов-Ям Ярославской области. Окончила Ярославское художественное училище, преподавала. Публиковалась в журнале «Соты», в альманахе «Золотое руно», в сборниках «Лестница в небо», «Causa Extraordinarius». Автор сборника рассказов «Буль, балъ, боль».

Душа праздника хочет

«Яблоки, груши, бананы, а это что?» Виолетта Викторовна остановилась. «Фрукт или овощ? Форма как у груши, а кожица как у огурца. Попробую когда-нибудь, потом, вот отопление отключат. А то половину пенсии за квартиру вынь да положь. Соседка говорит: меняйся на однокомнатную, ещё и деньги останутся. А как? Родные стены, родные берёзы под окнами. Грачи недавно прилетели, родные. Качаются на ветках, кричат. Жизнь у них кипит. И я вроде как с ними... оживаю. Нет, всю жизнь в ней прожила – в ней и помру».

Виолетта Викторовна поставила в свою корзинку, к лежащему там батону, коробку кефира. Больше ничего брать не собиралась, но всё равно медленно пошла вдоль холодильников, разглядывая за стеклянными дверцами стаканчики со сметаной, творог в коробочках, маленькие конфетки творожных сырков, йогурты, знакомые из рекламы. Сыр плавленый, сыр в кусках, рыбный паштет, рыба красная на золо-

тых подложках. «Здравствуй, рыба, какая ты красивая, но уж больно дорогая. Мясные вырезки: грудинка, буженина, карбонад — слово-то какое неаппетитное: «карбонад». Как ацетат, хлорид. И тебе, колбаса, здравствуй, от холодильника моего привет, он тебя помнит».

Виолетта Викторовна шла дальше. Чивапчии, купаты, наггетсы, шашлык. «А вот и кошкина рыба». Она отодвинула стеклянную крышку морозильника и вынула пакет с рыбой, спрессованной в ледяной кирпич. «Ой, какая дорогая! Или уж взять? Заодно и себе пожарю с луком». Она сунула вспотевший с мороза пакет в корзину. Свернула в один из проходов и снова оказалась перед консервами. Невольно остановилась, разглядывая банки, обвитые яркими этикетками. «Взять что ли? Нет, не планировала, не буду». Но рука сама потянулась к серебристой сайре. «Эта рыба вкусная. Но ведь двести рублей! Дороже тушёнки». Со вздохом Виолетта Викторовна положила сайру на место. «Вот же скумбрия есть по акции. И акция хорошая. Только вот... что тут написано? Две банки, что ли, надо брать? А может, одну можно?» Продавщица в зелёной форменной жилетке мелькнула в проходе. Виолетта Викторовна поправила берет, взяла банку и пошла за ней следом.

— Извините...

Продавщица открыла холодильник и принялась переключивать пачки сыра с одной полки на другую. Виолетта Викторовна остановилась рядом. Ожидала, когда продавщица закончит дело и обратит на неё

внимание. Но продавщица её не замечала: «Много вас тут ходит, — говорило её сосредоточенное лицо, — и каждая норовит прицепиться, а мне некогда». Продавщица закрыла холодильник и покатила тележку дальше. Виолетта Викторовна посторонилась, пропуская её, так и не решилась обременить своим вопросом. «Не надо никакой рыбы, без рыбы обойдусь. Приду домой, заварю чайку свеженького, сяду у окошка и буду на грачей смотреть, что-нибудь почитаю. «Войну и мир», например. Открою наугад и начну с любого места. Или лучше найду дуэль Долохова с Пьером. А вечером телевизор включу. Пусть мигает вместо торшера. Всё не так тоскливо».

В магазин решительно вошли двое мужчин, возбуждённые, жизнерадостные. Один суховатый, лет сорока пяти, с лёгкой проседью в висках, в элегантном сером костюме. Другой молодой, но лысеющий, полноватый.

— Вить, возьми ещё одну тележку! — сказал пожилой, толкая перед собой другую.

— Понял! — отозвался молодой.

Они прошли мимо, обдали парфюмным ветерком. Стали открывать холодильники, нагружать тележки.

— Дату не забывай смотреть, — напомнил сухощавый.

— Да, всё норм. Икру брать?

— Почему нет?

— Банки две?

– Возьми четыре. Лена любит. И красной рыбы прихвати, она рядом.

«Закупаются мужички, не иначе вечеринка намечается».

Виолетта Викторовна смотрела, как быстро наполнялись обе тележки. Мужчины двигались вдоль витрин, вынимали из холодильников колбасу, мясные вырезки, грудинку, буженину, копчёную скумбрию, сыр, масло, майонез. Последний холодильник с кефиром и молоком их не интересовал. Они прошли мимо Виолетты Викторовны и скрылись за поворотом.

«Можно и погулять, когда деньги есть. При хороших зарплатах что не погулять. Это не от пенсии оторвать. Были и мы молодыми», – Виолетта Викторовна посмотрела в свою корзинку: батон да кефир. Вдохнула.

В винном отделе мужички подзадержались. «Интересно, что они будут пить?» Молодой читал вслух английские названия:

– Ред лейбл, Джек Дениелс, Хеннесси. А, Георгич?

Георгич снял с полки прямоугольную бутылку виски.

«Баллантайнс! – ахнула Виолетта Викторовна, – Она же полторы тысячи стоит! Неужели купят?!». Они взяли пять.

– Я ещё такой не пробовал, – весело говорил молодой, рассматривая бутылку, – я пробовал...

– Тихо! – Георгич остановил его, прислушиваясь, вынул из кармана телефон, приложил к щеке:

– Да, Мариш! Почти уже. Сейчас выезжаем. Что? Шампанское? А кто его будет? Мы так-то Мартини взяли. Ну, ладно, ладно. Я понял. Выезжаем, Мариш.

Он сбросил телефон в карман:

– Возьми ещё пару шампанского.

Мальчик-кассир отдал мужчинам длинный чек и, пока те нагружали пакеты, сидел неподвижно, ждал, когда они освободят прилавок, отдышал. Мужчины сгребли многочисленные ручки пакетов, понесли. Виолетта Викторовна с восхищением смотрела, как, расправив плечи и спины, пошли они к выходу. А пять бутылок виски, две мартини и шампанское позвякивали в пакетах в такт их шагам.

«А ведь было и у меня когда-то. И корпоративы, и посиделки разные. Гулять умели. Не так богато, конечно, время было другое, но зато весело. Новый год, Первое мая, Октябрьский день. К выпускным заранее готовились, наряды подбирали, причёски накручивали. В школе цветы, белые передники, банты. Настроение праздника с утра. Девчонки растерянные, готовые разреветься. А мальчики, вчерашние балбесы и лоботрясы, все вдруг такие вежливые, повзрослевшие. В учительской как в приёмной исполкома – весь коллектив при параде. Мужчины в белых рубашках, галстуках, немного отстранённые, помолодевшие. Женщины возбуждённые, улыбочивые. Куда девается наработанная учительская строгость?! После торжественной части и концерта накрывали столы».

– Здравствуйте, – кассир отвлек Виолетту Викторовну и забубнил сонной скороговоркой, – товары по акции: тушёнка, сгущёнка, кофе, шоколад, печенье...

– Одну минуточку, молодой человек, – Виолетта Викторовна пошла к стеллажам, взяла с полки тяжёленькую квадратную бутылку «Старейшины», вернулась и поставила на ленту перед кассиром. Он посмотрел на коньяк и поднял на Виолетту Викторовну молодое удивлённое лицо:

– Этот коньяк не из дешёвых. Акции на него нет.

– Спасибо, – перебила Виолетта Викторовна, – но это не важно. Душа праздника хочет. И дайте, пожалуйста, мне вот эту шоколадку.

Точки

Лена с Андреем ехали на велосипедах по обочине дороги. На багажниках у каждого, с обеих сторон от заднего колеса, висели тугие, набитые всевозможными походными вещами, ранцы. На спинах огромные рюкзаки. Андрей молча крутил педали. Его молодое лицо было задумчиво и печально. Молчал уже несколько часов. Несколько часов только шины шелестели, да проносились мимо машины. Лене было скучно. Несколько раз она ускорялась, обгоняла Андрея, оглядывалась, улыбаясь, приглашая поучаствовать в гонках. Но он ехал с прежней черепашьей скоростью, бубнил себе под нос ругательства и жалобно смотрел на Лену:

– Перестань дурачиться. И так устали. Две ночи почти не спали. Ели чёрт-те что.

– Соловьёв слушали.

– Только что разве это.

Вдали показалась кромка города.

– Андрюш, давай поднажмём. Быстрее дома будем, на мягкой кровати.

– Ага, ты на мягкой. Андрюша рюкзаки разбирай.

– Могу и я... потом.

– Когда всё плесенью покроется.

– Но если их скучно разбирать! Вот в лесу у костра всё интересно. Даже котелок...

– Андрюша мыл.

– Ну и что. А я костром занималась, палатку ставила.

– А я комаров кормил.

– А какого чаю я тебе вкусного сделала! Андрюш, ну погнали напоследок, а?

– Нет, Лен. Велосипеды старые, развалятся, а нам ещё через весь город пилить.

– Не через весь.

– Всё равно.

Впереди на дороге появилась пара абсолютно одинаковых велосипедов с абсолютно одинаковыми седоками, сплюсненными в низкой посадке. Различался только цвет шлемов, чуть-чуть видных из-за серых спин. Лена впилась глазами в красное и жёлтое пятнышки, зрачки в её серых глазах сузились, ноги сами надавили на педали.

– Не дури! – услышала за спиной, но не обратила внимания: «Догнать, догнать, догнать!» – стучало в голове.

Дорога понеслась навстречу. Волосы развевались за спиной, обхлёстывали рюкзак. Лена всё сильнее давила на рычаги педалей. Тяжёлый рюкзак придавливал её к седлу, усиливал точку опоры. А тяжёлый нагруженный ранцами велосипед пёр против ветра как танк. Ветер свистел в ушах. Шины гудели.

Вот они! Рифлёные шлемы. Обтянутые серой синтетикой спины. Рельефные твёрдые голени. На педалях в туклипсах новенькие бутсы. Лена пошла на обгон. Справа краем глаза увидела руки в перчатках, бритые щёки, фляги на раме. Обогнала и вдруг вспомнила об Андрее. Где он? Что он кричал ей? Но оглянуться, посмотреть не успела. Слева снова показались руки и шлемы. Выдвинулись тонкие колёса, лаконичные велосипедные рамы. Велосипедисты вырвались вперёд. Плавно крутили педали, но ехали очень быстро. Лена со всей дури замолотила ногами. Не чувствуя, как глаза сушит ветром, тарасила их, и слёзы утекали вбок, за уши. «Вот это жизни! Вот это я понимаю!» – ликовала она. Но велосипедисты держались рядом, технично работая ногами. Не обгоняли и не отставали. Казалось, что ехать быстрее невозможно. Отчаянье охватило Лену. И, ничего не понимая и не чувствуя, она вдруг застрочила, застрочила...

Велосипедисты остались за спиной. А Лена всё бешено крутила педали, казалось, вот-вот оторвутся

колёса, ноги, руки, голова. Но скорость надо было держать. Удержать победу во что бы то ни стало. Дождать хотя бы до города.

Дома встали во весь рост, на перекрёстке замигали светофоры. Свернув в канаву, Лена соскочила с велосипеда. Бросила его в мягкую траву, рухнула в неё сама. «Я их сделала! Я их сделала! – стучало в голове, в сердце, в висках». Вдруг она вспомнила об Андрее. Где он? Что он кричал ей? Лена приподнялась на локте и выглянула из канавы на дорогу. Андрея на ней не было. Дорога была пуста. Потом замаячили велосипедисты, стали приближаться. Лена отцепила тяжёлый рюкзак и вылезла им навстречу. Когда велосипедисты подъехали, спросила:

– А вы парня на велосипеде и с рюкзаком не видели?

Один велосипедист проехал мимо. Другой, весело разглядывая Лену, притормозил:

– Чего? Друга потеряла?

Лена мотнула головой. Велосипедист усмехнулся:

– Ну, ты даёшь! Я бы с такой не связывался.

Искра

Рюкзак отправился на флюорографию. Я бросила на тумбу ключи, метнулась в арочный металлодетектор. Охранник заступил дорогу. Рыпнулась пройти дальше, у него голос прорезался: «Вернитесь». Мужичонка тщедушный, надел форму и заважничал.

Пришлось вернуться выгребать из кармана мелочь. Она затерялась в носовом платке. Выбирать её из комка не было времени. Надо было как можно быстрее купить билет, поэтому вытащила весь комок, тряснула над тумбой. На виду у всех платок развернулся и предстал куском старой простыни с бахромой ниток по краям. Мелочь, звякнув, выпала на тумбу, а клочки старых билетов полетели в разные стороны. Пропустил. Собрала, скомкала всё, сунула в карман, рюкзак подхватила и на кассу. А там очередь. Приткнулась в конец. Успею ли купить билет. Автобус последний уйдёт и придётся топать пешком. Пятьдесят километров — не шутка для пятидесятилетней женщины. Никто не оценит такой подвиг, да и оценивать некому, разве что собаке поплакаться, когда притащусь утром измотанная.

Кто там ещё топчется, напирает, в затылок дышит. Глянула и тут же отвернулась — по носу шибануло перегаром. Только успела увидеть юное, почти детское лицо, растрёпанные чёрные волосы. Где тут вдохнуть можно? Пока я морду от неё воротила — опа, уже впереди меня стоит. Ловко! И так захотелось крикнуть на весь вокзал: «Люди, где справедливость?! Мужчины, ну кто-нибудь вступитесь за меня!» Стою, смотрю ей в спину и ненавижу. Уговариваю себя: может, ей стоять тяжело, тошнит её бедную... сволочь такую! Так бы и треснула по костлявой спине! Вот так всегда кто-нибудь да вылезет вперёд. Толкаются, огрызаются, отстаивают своё место под солнцем. А я только нервничаю.

А что делать? Не умею воевать против всех этих нахрапистых, наглых, натренированных. Одна нерво-трёпка получается. А толку всё равно — ноль. Только обида растёт да злость, и реветь всё чаще хочется.

Какой-то щуплый пацан, завитый как барашек, паспорт вытащил из прозрачного пакета и кучу бумажек. Сунул в окошко кассы. Ну, всё, застряли надолго.

— Многодетные? — спрашивает кассирша и неторопливо раскрывает паспорт, смотрит на пацана. Там за стеклом кабинетик светлый, тихий, чашечка на столе стоит. Лицо у кассирши миловидное, под лампой волосы блестят. Разворачивает бумажку одну, вторую и начинает разговаривать с пацаном, объяснять, чего у него на бумаге не хватает, где какую печать надо поставить. А он, гад, уловил сочувствие и елейным колоском:

— Нам всем надо ездить, все учатся, образование получают, — дрожи припустил, — у мамы сегодня день рождения, вот подарок купил, везу порадовать.

— Какие вы молодцы, — улыбается кассирша. — Вот тут ещё отметочка должна стоять. Я, конечно, продам вам билет, но документ надо привести в порядок.

— Да-да, обязательно, конечно.

Ну, давай, побирушка, отваливай уже! Малоимущий, блин, а на башке химическая завивка дорогушная.

Продали, наконец, и мне билет. Уже без места. На платформе никого, голуби семечки клюют. Лавки под навесом заняты. Встала с краю на бордюру. Когда автобус подъедет, первая буду. Может, даже сяду. Зао-

рал ребёнок. Полная мамаша встала с лавки, взяла его на руки и стала прохаживаться с ним по перрону. Место на лавке освободилось. Может, посидеть перед до-рогой. Да уж больно тесно там. Ребёнок снова заорал. Мамаша спустила его на гладкий бетон перрона. Он за-топал, побежал, распугал голубей. Топчет их семечки.

Автобус включил габариты, стал пятиться. Все потянулись вставать с лавок, подтягиваться к краю посадочной площадки. Обступили меня, отгеснили. Началась посадка. А я снова в конце стою. Ну, уж нет! Надо продираться. А как? Везде плечи, спины, животы. Подвалила толпа студентов. Модные, молодые, строй-ные. У одной брюки, как будто стая собак её трепала, а русые волосы стелются по спине ровные, расчёсанные. Студенты смеются, переговариваются, обходят меня и тоже ввинчиваются в толпу, просачиваются к дверям. Мне в ноги сунули спортивную сумку, в спину дви-нули рюкзаком. Нет, не пробиться. Отошла, вдохнула свободно. Смотрю, как в толпу прёт женщина с ребён-ком, ткнула коляской кому-то в ноги:

— Дайте пройти с ребёнком!

Несколько человек нехотя расступились. Но она всё равно застряла:

— С ребёнком пропустите!

А студентам пофиг, внимания не обращают.

— С ребёнком дайте пройти!

Снова ударила коляской в чьи-то ноги. Студен-ты привычные, каждый день по автобусам мыкаются, их не прошибёшь. А женщина, видать, тоже без ком-

плексов, попёрла на таран, колёсами прямо по ногам, по белым кроссовкам.

Я отвернулась, чтобы не смотреть на это безобразие, и увидела рядом с собой мужчину. Не торопится, дистанцию держит ото всей этой своры. Пожилой, худощавый, глаз за тёмными очками не видно, впалые щёки, подбородок в дымке тёмной щетины, тонкие губы. И с ним рядом так хорошо, спокойно. Двигаемся понемногу вместе. Перед дверью он будто невзначай помедлил, а я сунула билет контролёрше.

Зашла в автобус. Так, куда двинуть? Здесь люк открыт, дует. Здесь та женщина сидит. На коленях живот, на нём бампером грудь, ещё и ребёнка завалила сверху, притиснула к себе, закрыла им лицо, зыркает, как все на её коляску натываются, обходят. Ребёнок кочевряжится. Рванула подальше от него, в конец салона. Прицепилась к вертикальному поручню. Всё! Никуда не двинусь. Целый час стоять, а здесь хоть более-менее удобно. Народ прёт, но я держусь. Толкают, смотрят недовольно — пусть. Продираются, подтыкая в рёбра локтями — терплю. Зыркайте, давите, тыкайте — не двинусь.

Наконец заработал мотор, двери закрылись, автобус отправился. Набирая скорость, затрясся по дороге. Городские здания за окном сменяют друг друга. Одна сторона улицы в тени, а на другой на стенах домов догорает вечернее солнце, блестит в стёклах. Пассажиры в автобусе притихли, даже немолодые уткнулись в телефоны. Передо мной сидит девушка в капюшоне. Удобно сидит, нога на ногу, в ладони — телефон,

белые буквы слов на чёрном экране, ногти у неё тоже чёрные. Большой палец длинный, гибкий как хвостик. Шевелит им, а на экране с бешеной скоростью вспыхивают разные картинки, окна для переписки. Девушка натякивает целые строчки цветков, пальцев, рож. Они кому-то улетают, кто-то всё это хаает. Какая пурга у них в головах? Чем они все так яростно друг с другом делятся? Пришла в голову мыслишка и туда её, в эфир. А девушка всё шевелит пальчиком над экраном. Картинки выскакивают, она их смахивает, снова открывает.

Молодой человек соскучился просто так у окна стоять, отцепился от поручня, достал беленький футлярчик, вынул две штучки, одну за другой вставил под волосы, в уши.

Уже завод проезжаем, гилянды лампочек на арматурах и трубах. Сейчас будет поворот, горка, и шесть штук приплюх. Впереди в салоне заорал ребёнок, женщина составила сумку на пол и посадила его. А ведь кто-то купил это место, кто-то сейчас стоя едет. Подъехали к остановочной будке. На лавке только старый бомж, заросший седыми волосами. Дальше, за будкой, вдоль дороги кирпичные пятиэтажные дома. На одном написано «Универсам». Слово-то какое старинное, скучное. Подросток медленно едет на велосипеде, виляет рулём. Люди как-то бесцельно ходят. Мыкают свою жизнь в этом скучном посёлке, на замусоренных обочинах. Живут в постоянном шуме колёс, в этой вечной придорожной пыли.

Скоро поворот будет. Ноги уже ноют от долгого стояния. В автобусе надышали, стало жарко. Потасила с себя курточку, кого-то задела. Оглянулась и увидела того самого мужчину в выгоревшей штормовке. Уже без очков, глаза карие смотрят в прищур, взгляд мягкий, спокойный. Глянул на меня и снова в окно стал смотреть. И оттого, что он рядом стоит, как-то хорошо стало, спокойно. Даже ноги ныть перестали, даже лёгкость какая-то появилась. Спину разогнула, голову подняла, покачиваясь, еду, в окошко смотрю. Ветерок щеки касается нежно.

Вот бы такого мужа. Всю жизнь ждала, мечтала о мужчине. Чтобы жить под его защитой и опекой. Я бы его слушалась, как скажет, так бы и делала.

В проходе зашевелились, затолкались, кто-то там протискивался к выходу. Девушка убрала телефон в сумку и встала с сиденья. И оно стало свободное, пустое и рядом со мной! Смотрю на обтянутое серым гобеленом сиденье. Хотела уже сесть, но вдруг почувствовала такую усталость, что и не шевельнуться. Ноги устали, руки устали, но душа устала больше. Не хочу ни с кем воевать, не буду садиться. Стала в окно смотреть на небо. Солнце запуталось в длинной тучке. Поджигает её края, яркие, как разряды молнии.

Но тут автобус затормозил, пассажиры стали пробиваться к выходу. Пропуская людей, развернулась, и оказалась лицом к лицу с мужчиной в штормовке. Он перехватил мой взгляд и кивнул на свободное

сиденье. Кивнул так коротко, властно и просто, что я послушалась и села.

Сию и счастлива. Дождалась, наконец, сочувствия, понимания, приказа. Вот он, мой мужчина! Сейчас скажет: «Пойдём со мной». И я пойду. Пойду, куда бы ни повёл. Нет, не посмотрит тёплыми внимательными глазами, не позовёт с собой. Не в этой жизни. Да и я не пойду. Не получится у меня с ним ничего. Ни с кем не получилось. Счастье — это лишь мгновение. Короткая вспышка, искра. Вспыхнула и под сырыми щепками погасла. Снесло дымок ветром, выстудило робкое тепло, не разгореться костерку на сырых дровах.

Автобус остановился на вокзале. Приехали. Вместе со всеми и я вывалилась из двери на тротуар и пошла прочь. Быстрее, быстрее, отделиться от толпы, свернуть поскорее куда-нибудь в пустынный переулок. Дойти до дома, забиться в свою норку, обнять собаку. Пожрать чего-нибудь вкусенького. В морозилке мороженное оставалось, даже два.

Наталия Сергеева

Родилась в 1977 году в городе Гаврилов-Ям Ярославской области. Окончила Ярославское художественное училище. Публиковалась в журнале «Белая скала», в сборниках рассказов «Живой север», «Лестница в небо», «Casus Extraordinarius».

Студент

Мы с Еленой Дмитриевной сидели за компьютерами в рабочем кабинете. Прошло уже полдня, а читателей не было. Стоило мне включить электрический чайник, как внизу хлопнула входная дверь. Елена Дмитриевна вышла из кабинета и вскоре громко объявила с лестницы:

– Иван в гости пожаловал!

Она вернулась в кабинет, широко улыбаясь.

– Идите, Ирина Валерьевна, встречайте посетителя!

– Иван? – переспросила я.

Елена Дмитриевна кивнула и села на прежнее место. Я поспешила на первый этаж. На абонементе меня ожидал высокий, худощавый молодой человек во всём чёрном. Он предварительно разделся, повесив пальто на спинку стула, и теперь нетерпеливо ходил взад-вперёд перед кафедрой, то и дело поправляя непослушную длинную чёлку.

– Скажите, пожалуйста, – с ходу обратился ко мне Иван, – у вас есть ощущение, что вам чего-то не хватает?

Я присела на стул.

– Что вы имеете в виду?

– Вот мне, например, не хватает знаний, – Иван остановился и поднял вверх указательный палец, – это я точно могу сказать.

– Ну, какие ваши годы, – попыталась я улыбнуться, – вы ведь ещё учитесь... Вы же на четвёртом курсе?

– Да. И к тому же – на последнем! Кстати, а что вы можете сказать про тридцать седьмой год? – Иван взял с полки, оказавшейся рядом, один из журналов.

– Что вас конкретно интересует? Репрессии?

– Всё, всё интересует. И репрессии. Вы знаете, какой процент репрессированных, сколько людей в наших тюрьмах было уничтожено?

Я промолчала. Иван, коротко взглянув на меня, продолжил:

– Понимаете, вот я чётко ощущаю нехватку знаний. И сколько всего ещё нужно будет узнать в этой жизни! Вот у меня на работе...

– Простите, а вы кем работаете? – поинтересовалась я.

– Я – ветеринарный врач.

– Уже? – удивилась я. – Так у вас диплом ещё впереди!

– Так вышло, – скромно ответил молодой человек. – Больше некому работать...

Он коротко взглянул на меня. Из-под длинной чёлки на меня смотрели серьёзные пронизательные глаза.

– Вот я и говорю – знаний не хватает, понимаете? Я не могу так просто, без знаний, как они, операции проводить. Они это делали лет двадцать тупо, одно и то же, для них это работа! Пришли, разрежали, зашили. И им пофиг, что нужно окситоцин вколоть, или, например, матку сахаром посыпать...

– Зачем, – удивилась я, – сахаром?

– А вот в том то и дело, что нужно знать – для чего! Чтобы мышцы сократились, чтобы матка уменьшилась, и тогда её легче будет вставить...

– А где вы работаете? На ферме?

– Да. Я и говорю, это же так сложно! Вот мне девятнадцать лет, а они все удивляются – как я работаю врачом в такие годы! Вот так и работаю! Надеюсь только на себя! Если честно, времени ни на что не хватает. Про личную жизнь и говорить нечего! – Иван посмотрел в заиндевшее окно. – Какая личная жизнь! Отработал, пришёл домой, поел – и спать!

А им понимаете – пофиг! Они такие скучные, нудные! Они что знали двадцать лет назад, так и живут! И не хотят ничего больше знать! Но так нельзя! Надо же развиваться! Чтобы операции проводить, животных лечить...

Вот меня вызвали как-то... в четыре утра. Я и проснуться не успел, очнуться. Прихожу – корова родила, лежит в навозе, в крови, встать не может. А я один. И чего? Так, прикидываю в голове, вспоминаю, что знал. Думаю – первое – инъекции. И не одну, а целых четыре. В общем, вколол вдоль позвоночника, по-

том вспомнил про противовоспалительное, что и его надо. Сделал. Матку на место затолкал. Вспоминал всё чисто из головы своей, доставал оттуда. Вот и говорю, что учиться нужно, чтобы нормально работать...

Во время рассказа Иван ходил взад-вперёд по залу, изредка останавливаясь. Тут он встал прямо передо мной, упёршись руками в кафедру.

— А вы верите в мистику?

Я промолчала. Странная она, эта работа библиотечкарская. Иной раз не знаешь, что сказать.

— Вот я — верю, — понизив громкость голоса, произнёс Иван, — иначе как бы принял роды, зная только теорию? А это — ответственность! Но я что-то чувствую...

Иван задумался, опустив голову, а потом выпрямился и по-детски улыбнулся.

— Когда неправильные роды были, телёнку помог развернуться, видите, у меня рука-то какая — во! — Иван вытянул руку. — Длинная! В самый раз достал!

— А что, телята тоже неправильно рождаются? — спросила я.

— Да, бывает, идут неправильно, могут и ножками. Тут он разулыбался вовсю.

— Поэтому такие длинные руки и пригождаются...

Иван глянул в окно.

— Всё, побегу, у меня автобус.

Он накинул на себя пальто, одновременно что-то печатая в телефоне, и направился в сторону выхода.

— А книги как же? — крикнула я.

— В другой раз! До свидания.

Колесо обозрения

Колесо обозрения двигалось медленно. Настя боязливо ступила на железную платформу прозрачной кабинки. Дима шагнул следом, и двое рабочих в форменных кепках затворили за молодыми людьми дверцу.

Когда кабинка поднялась метра на два от земли, Насте показалось, что они остановились. Но это было не так. Кабинка плыла вверх, в чёрное небо, оставляя внизу ярко освещённую площадку парка.

Сегодня Дима был в белой рубашке навывпуск, весь праздничный и даже торжественный. Он подтанцовывал на месте в такт доносившейся из парка музыки, и из-за его движений кабинка покачивалась.

— Пожалуйста, не раскачивай кабинку, — взмолилась Настя. — Я боюсь.

Она вцепилась руками в скамейку.

Дима кивнул на открывающуюся панораму вечернего города:

— Смотри, как красиво!

— Конечно, ты парашютист вот тебе и не страшно, — Настя боязливо посмотрела на уплывающие вниз купола православного храма.

— А давай бояться вместе! — Дима весело подмигнул Насте.

Настя осторожно пересела к нему поближе. Он, уступая ей место, пододвинулся, и кабинка качнулась снова.

– Ой, – зажмурила глаза Настя.

Их свела Настина подруга Ольга, посадила рядом за столом на своём дне рождения, сказала:

– Вот тебе, Настя, ухажёр на сегодня, Димкой зовут, парашютист.

Дима стрельнул на Настю светлыми глазами с весёлым прищуром:

– А я Вас где-то видел?

– Где же? – Настя кокетливо вскинула подбородок.

– Вы в парфюмерном магазине работаете в центре, на Кирова?

– Ну, да, – удивилась и даже как-то растерялась Настя.

– Вам салатика положить?

– Нет, я крабовый не ем.

– Тогда с курицей?

И он стал ухаживать за ней, предлагая то одно блюдо, то другое так, что Настя, в конце концов, осовев от еды, взмолилась:

– Всё, больше не могу! Как хотите.

Потом он пошёл её провожать. Они были уже на «ты».

– А ты правда парашютист?

– Правда.

– Ужас!

– Это почему это?

– С балкона-то страшно смотреть, а тут...

– С километра, а то и с трёх, – подсказал Дима. –

Это только первый раз страшно, а потом – норм.

Колесо неспеша плыло вверх. За многоэтажными домами розовела заплатка вечернего неба, а на её фоне возвышались исполинские, величавые подъёмные краны. С другой стороны небо было тёмно-фиолетовым, совсем ночным. Внизу, на небольшом отдалении, покачивалась чёрная вода реки с дрожащими отражениями огней. Дальше открывались оранжевые и голубые ленты дорог.

Дима обнял её, а потом легонько толкнул в плечо, мол, посмотри. Они долго ещё гуляли по освещённому вечерними огнями парку, целовались, почему-то каждый раз под фонарями, и сами смеялись этому. Потом он проводил её домой.

Проснувшись утром, Настя, как обычно, кинулась к телефону. Эсэмэсок от Димы не было. Подождав для приличия до обеда, она позвонила. Женский голос оператора вежливо сообщил, что «телефон абонента выключен или находится вне зоны доступа».

«Странно, — подумала Настя, — день нерабочий, где бы ему быть?» Ей стало грустно и как-то не по себе. «Не случилось ли чего?» Часа в четыре она опять позвонила и услышала тот же голос оператора. За вечер она звонила ему раз пять или шесть. Телефон был вне зоны доступа. Поужинав и посмотрев сериал, она написала сообщение и легла спать.

Увидев утром, что её письмо не прочитано, совсем сникла. На работе у неё всё валилось из рук. Расставляя на полках коробки и флаконы с парфюмерией, Настя неловко задевала их, и они сыпались на пол.

Ольга взяла её за плечи, заглянула в глаза:

– Что происходит?

Настя помотала головой, хотя в глазах у неё стояли слёзы. В подсобке она расплакалась. Выслушав, в чём дело, Ольга возмутилась:

– Ну, это свинство с его стороны! Пару-то слов всегда написать можно, даже если занят. А, может, у него другая уже есть? Погулял и бросил...

Сказала и тут же сама себя одёрнула:

– Фигня! Не реви, найдётся, никуда не денется.

Димка не нашёлся. К вечеру Настя уже не на шутку забеспокоилась. То и дело прикладывала к глазам платок. И вдруг – звонок. Настя схватила телефон, номер незнакомый, но голос его, вкрадчивый, виноватый:

– Насть, извини, никак не мог сообщить.

И тут Настю прорвало, захлёбываясь слезами, она запричитала:

– Нет и нет... Куда ты делся? Я уж не знаю, что и думать. Думала – разбился на своём парашюте проклятом...

Он не перебивал, сопел в микрофон.

– Где ты?

– Гм, только ты не волнуйся... Ничего такого... Видишь ли... Короче, я в море.

– Что? – Настя оторопело уставилась на модную покупательницу, терпеливо дожидаящуюся её внимания. – Ты шутишь?!

– Ты, главное, не волнуйся, ничего такого... Просто так получилось.

– Что случилось? Ты ранен? Я приеду!
– Нет, нет, подожди. Приезжать не надо. Я в таком виде...

– В каком виде?

– Тебе лучше не видеть.

– Ну что ты меня пугаешь, зачем?

Покупательница с интересом прислушивалась к разговору.

– Что ты, я не пугаю, а наоборот. Со мной ничего не случилось, ну, то есть чего-то такого... Ну, ты понимаешь? Всё норм. Просто я оказался в морге, спал тут на столе... Но ты не волнуйся, завтра после похорон я приеду.

– Каких похорон? Чьих?

– Матери Олега. Понимаешь, у Олега мать умерла, завтра похороны. Мать, понимаешь?

– Ну.

– Олег не в себе, говорит, приезжай.

– Ну?

– Ну, я и поехал. Не мог не поехать, Олег же друг.

– Ну?

– Ну, выпили у него в морге.

– А он что же...

– Работает он там, понимаешь?

– О, господи! Ты меня с ума сведёшь! Позвонить-то трудно было?

– Охранник нас запер, думал, мы ушли. И связи тут нет, подвал, бункер.

– Я вижу у вас, девушка, проблемы, – вежливо улыбаясь, обратилась к ней покупательница, – я уж тогда пойду, пожалуй...

– Нет, нет, – ожила Настя. Она кратко кинула в телефон «перезвоню» и сунула его в карман фирменного халатика.

– Я вас слушаю, – сказала она покупательнице, смахнув последнюю слезину.

Содержание

Бутусов А. Ошибка британских учёных	3
Таксения	14
Керимов Т. Лера	31
Исповедь опаздывающего	35
Волкова Е. Бегство	40
Стояночный тормоз	43
Торжество	48
Долган А. Не воротишь	54
Кондакова Е. Кикиморка	67
Долган Т. Не наше дело	75
Он не любит чай	84
Океан	89
Носова С. Душа праздника хочет	97
Гонки	102
Искра	105
Сергеева Н. Студент	113
Колесо обозрения	117

Литературно-художественное издание

Колесо обозрения

Сборник рассказов
начинающих писателей Ярославской области

Редактор В. Ю. Перцев,
корректор Л. Н. Советников

Оригинал-макет разработан
издательским бюро «Филигрань»

Подписано в печать ..24.
Формат 120×160. Заказ № .
Тираж 240 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Филигрань»
г. Ярославль, ул. Свободы, д. 91
pechataet.ru